

Золотой немецкий ключ большевиков Сергей Петрович Мельгунов

Сергей Петрович МЕЛЬГУНОВ (1879–1956) – известный общественный деятель, журналист и историк. Издатель и редактор исторического журнала «Голос минувшего» (Петербург-Петроград, 1913–1923, 23 тома), впоследствии выходившего в Праге, Берлине и Париже под названиями «На чужой стороне» (1923–1925, 13 томов) и «Голос минувшего на чужой стороне» (1926–1928, 5 томов). В 1920 г. по делу «Тактического центра» в Москве Мельгунов был приговорен к смертной казни, замененной десятью годами тюрьмы. За рубежом Мельгунов издал ряд фундаментальных исторических трудов: «Красный террор в России» (1924), «Трагедия адмирала Колчака» (3 тома, 1930–1931), «На путях к дворцовому перевороту» (1931), «Как большевики захватили власть» (1939), «Золотой немецкий ключ большевиков» (1940), «Судьба императора Николая II после отречения» (1951), «Легенда о сепаратном мире» (1957). Посмертно издана его книга «Мартовские дни 1917 г.» (1961).

В «Золотом немецком ключе большевиков» (в одном из изданий книга названа «Золотой немецкий ключ к большевицкой революции») исследуется важнейшая историко-революционная тема: о финансировании немцами ленинской партии в период подготовки и осуществления ею Октябрьской революции. Известно, что прямые доказательства связей ленинцев с германскими властями были собраны при Временном правительстве и сведены в 21 том «Дела по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене». Немедленно после Октября большевики захватили все материалы следствия и запрятали в секретные фонды Центрального партархива в Москве. В распоряжении историков остались только случайные публикации в повременной печати и воспоминания тех, кто имел отношение к событиям. Мельгунов свел их воедино, подвергнув тщательному сопоставительному анализу. В результате он получил хотя и мозаичную, вполне убедительную картину. Да, немцы революцию субсидировали. Больше того, без их поддержки она могла бы и не состояться.

В апреле 1917 г., будучи не в силах продолжать войну на два фронта, немцы перевезли в «пломбированном вагоне» из Швейцарии в Петроград группу большевистских вождей, наладили пересылку им (по «торговым каналам» своего агента Парвуса) буквально миллионов золотых рублей и

поручили им развернуть «борьбу за мир». Задача не была особенно трудной. Февральская революция разрушила общественные связи в стране, деморализовала армию, подорвала авторитет государственной власти. Так что большевики с задачей справились более чем успешно: не только довели дело до сепаратного мира с немцами («похабного», по выражению Ленина), но утвердились у власти и перешли к борьбе «за мир во всем мире».

После второй мировой войны, когда открылись секретные немецкие архивы, в них обнаружили документы, подтвердившие скандальное участие императорской Германии в «пролетарской» Октябрьской революции. Большая часть этих неопровержимых свидетельств опубликована в статьях и книгах западных историков. Надо надеяться, что в нынешнюю эпоху гласности они станут доступными и советским читателям.

От автора

Эта книга непосредственно примыкает к другой моей уже законченной работе о том, как большевики фактически захватили власть, то есть о перевороте октябре 1917 г. Выход книги в свет задержала лишь война. В истории октябрьского переворота я не касался вопроса, которому посвящен настоящий очерк, хотя определение источников денежных средств, находившихся в распоряжении последователей Ленина, имеет первостепенное значение для выяснения их успеха. Мне казалось более целесообразным выделить такую главу особо, так как ее хронологически надо было поставить в связь с другими фактами русской революции, которые предшествовали октябрьскому перевороту. Предлагаемый читателю очерк, таким образом написан вне всякой связи с событиями текущего дня, но эти события, как согласится читатель, придали характер некоторой особой современности моему историческому повествованию.

1 января 1940 г,

I. «Легенда» о немецком золоте

Введение

В «Истории октябрьской революции», написанной Троцким, утверждается, что вопрос о немецком золоте, яко бы полученном большевиками, принадлежит к числу тех мифов, которыми богаты истории все революций – всегда «низвергнутый класс склонен искать причину всех своих бедствий... в иностранных агентах и эмиссарах». Сделав соответственный исторический экскурс, автор заключает об «истории революции» Милюкова: «золотым немецким ключом либеральный историк открывает все загадки, о которых он расшибся, как политик».... «Я не думал, – восклицает тот же Троцкий в своей автобиографии («Моя жизнь»)- что мне придется возвращаться к этой теме. Но нашелся писатель, который поднял и поддержал старую клевету в 1928 году. Имя писателя Керенский. И вновь недавний лидер большевицкой фаланги пытается издаваться над «безупречными доказательствами», на основании которых через 11 лет Керенский говорил в «Современных Записках», что «измена Ленина, совершенная в момент высшего напряжения войны, является безусловно установленным, неоспоримым историческим фактом». Прошло новых 10 лет, и я готов еще раз поднять с вызовом бросаемую Троцким перчатку и повторить «глупую клевету», может быть, только придав ей несколько иную формулировку и меньшую категоричность в смысле ея «безупречных» доказательств. И повторяя «клевету», я ни в какой степени не чувствую упреков своей исторической совести. Некоторые круги современной эмигрантской публицистики не удовлетворяет неразборчивость квалификаций, которые применяют часто по отношению к большевикам их политические противники. Так, например, Кускова в «Последних Новостях» («Парадоксы Немезиды» – № 6312) писала по поводу выпущенного в 1938 г. сборника избранных обличительных статей Бурцева – «Преступление и наказание большевиков»: «трудно в обвинениях Бурцева провести различия между политической тактикой пораженчества и простой агентурой в пользу иностранного государства и во вред своей родине»... «Когда люди толпы кричали большевикам: «немецкие агенты» это было понятно: человек толпы редко разбирается в политике и еще меньше в вопросах судебной справедливости. Но историк ... Конечно, термины «шпионы», «немецкие агенты» и пр., поскольку под этими словами подразумевается просто наймитство, сами по себе не подходят к социалистическому интернационализму ленинского большевизма.

Однако, оценка совершенного этими фантастами социальной революции настолько зависит от субъективного восприятия, что грани между политическим пораженчеством и изменой в прямом смысле слова в сознании и очень многих должны подчас совершенно стираться. Мотивы становятся безразличны и тогда всякая терминология будет неточна. Для меня поэтому неважно, какими юридическими терминами можно определить подрывную работу ленинских выучеников во время войны и революции и под какие статьи уголовного кодекса в правовом государстве подводится получение в таких условиях от враждебной державы социальными экстремистами. Равным образом я отсекаю и всё вопросы революционной этики – с моральными оценками нельзя подойти к полной беспринципности ленинской тактики. Фактически меня интересует одна проблема, взятая, так сказать, – *an und fuer sich* – получали ли большевики от немцев деньги или нет? И здесь в истории «нелепых измышлений» не все так просто, как это хочет представить с присущей ему развязностью Троцкий. Одной только хлесткостью выражений и иронией нельзя разрушить создавшуюся уже «мифологию» и опровергнуть «наглую ложь о немецких миллионах»

Едва ли кто усомнится в первостепенной важности выяснения вопроса о немецкой субсидии для истории подготовки октябрьского большевистского переворота 1917 г. «Если бы у Ленина – утверждает Керенский с несомненным преувеличением – не было бы опоры во всей материальной и технической мощи немецкого аппарата пропаганды и немецкого шпионажа, ему никогда не удалось бы разрушение России». «Утешительная историческая философия – старается съязвить Троцкий – согласно которой, жизнь великой страны представляет собой игрушку в руках шпионской организации сыска». Да, закономерность исторических явлений очень относительна, и «его величество случай» при соприкосновении с конкретной действительностью может дать самый неожиданный социологический узор. К числу таких случайностей, конечно, надо отнести и наличность «золотого немецкого ключа». И как-то странно, что до сих пор никто не постарается по существу проанализировать имеющийся материал и проверить те данные, которые так или иначе могут ответить на вопрос: миф или действительность роль немецких денег в истории русской революции, приведшей нас к великой трагедии.

К сожалению, общие утверждения, которыми переполнены публицистические преимущественно выступления политических противников большевиков, не исключая и настойчивых, шумных иногда,

изобличений в течение ряда лет со стороны Бурцева, до некоторой степени дают возможность более или менее безнаказанно разыгрывать в высоких тонах негодования троцкистские рапсодии на темы о легендарном «золотом немецком ключе». Русское антибольшевистское общественное мнение до сих пор, например, стоит в недоумении перед разгадкой: насколько подлинны сенсационные так называемые американские документы о немецко-большевистском альянсе, опубликованные в 1918 году. Единственный анализ этих документов в русской литературе – очень краткий и поверхностный (в примечании) – можно найти только в тексте Милюкова, причем историк не дает в сущности никакого критерия для суждения о подлинности документов и скорее своим авторитетом освящает даже безусловную фальсификацию. Но еще более удивительно то, что подделку в этих документах не постарались выявить сами большевики, казалось бы наиболее заинтересованные в изобличении противников. Во всей советской литературе я мог встретить лишь отметку Троцкого в его «Истории: этой грубой подделке, не выдерживающей даже дыхания критики, многие образованные и проницательные люди варили до тех пор, пока не обнаружилось, что оригиналы документов, исходящих якобы из разных стран, написаны на одной и той же машинке» (?). Почему такое пренебрежение? Может быть, на «грубую подделку» не стоило обращать внимания? Но почему в таком случае было обращено столько внимания на «фальшивые документы» о деятельности Интернационала, появившиеся в Зап. Европе в последующие годы и имевшие для большевиков совершенно второстепенное значение по сравнению с вашингтонской публикацией 18-го года? В 1921 г. была издана даже специальная книга «Антисоветские подлоги», в которой в связи с известным берлинским процессом Орлова и др. разоблачалась деятельность заграничных «фабрик фальшивок» для борьбы с советским союзом. Очевидно, что-то заставляло предпочитать формулу умолчания по отношению к американским документам.

Но полное табу в советской печати вы встретите по поводу знаменитого выступления маститого Эд. Бернштейна, поместившего 14 января 1921 г. в *Vorwaerts'*e статью *Ein dunkels Kapitel*. «Ленин и его товарищи – утверждал Бернштейн – действительно получили от императорской Германии огромные суммы. Я узнал об этом уже в конце декабря 1917 г. Через одного друга я навел справку у лица, имевшего отношение к официальным источникам, и получил подтверждающий ответ. Не узнал я лишь, как велика была сумма и кто был, или кто были посредниками. Теперь из источников, заслуживающих безусловного

доверия, я узнал, что здесь речь шла о невероятных суммах, наверное, – свыше 50 мил. марок золотом, так что для Ленина и его товарищей не могло остаться места сомнениям, откуда притекали эти суммы». Выступление авторитетного вождя немецкой социал-демократии вызвало, конечно, во всем мире большой шум; оно не нашло только откликов в советской литературе. Ни одним словом не обмолвился о нем слишком язвительный подчас Троцкий; замолчал его историк Покровский, посвятивший немало страниц «клевете при разборе истории революции Милюкова («Противоречия г. Милюкова в сб. «Интеллигенция и Революция»)). Нет упоминания о выступлении Бернштейна и в работах исторического семинария Института красной профессуры («Очерки по истории октябрьской революции». 1927 г.), где имеется специальная глава об польских днях 17-го года, когда против большевиков «было создано... чудовищное дело Бейлиса № 2».

И у Троцкого, и у Покровского и у представителей Института «красной профессуры» весь «марксистский научный аппарат брошен на развенчание показаний «зауряд-прапорщика» Ермоленко, мелкого, малограмотного «шпиона военной охраны», по характеристике Покровского – военнопленного, переброшенного немецким ген. штабом в апреле 17 г. на русский фронт в целях соответствующей агитации. Эта стрельба из пушек по воробьям производит тем более странное впечатление, что основное обвинение, выдвинутое против большевиков в июльские дни 17 г. по данным, полученным военной контрразведкой, не стояло, в сущности, в связи с показаниями Ермоленко. Между тем этих данных большевистские критики касаются лишь слегка, сглаживая углы, замалчивая или избегая наиболее острых пунктов, хотя в их распоряжении находится все многотомное архивное следственное дело, касающееся июльского мятежа большевиков. Производит впечатление, что на показаниях «филера», которые сравнительно легко можно дискредитировать, хотят попросту отыгаться.

Оправдание, построенное по такому методу, само по себе большой исторической убедительности иметь не может.

Я постараюсь подойти критически к тому материалу, который имеется в нашем распоряжении, и, по возможности объективно вскрыть все то, что может быть заподозрено в своей политической недоброкачественности, то есть выполнить отчасти ту работу, которую обязаны, были, по моему мнению, проделать большевистские историки, утверждающее, что немецкие деньги – это только легенда, только миф, присущей истории всех революций. У меня отнюдь нет претензии на

раскрытие тайны до конца. Да и время, очевидно, еще не пришло. Немецкие тайники, могущие пролить свет, все еще под крепким запором. Архивы в России недоступны эмигрантскому исследователю, и приходится пользоваться опубликованными отрывками документов из вторых рук, в цитатах тенденциозных большевистских изысканий. К тому же я не чувствую в себе способностей сыскных дел мастера, необходимых в тех случаях, когда историку по неизбежности приходится вступать на путь следователя. И, тем не менее надо, поскольку это возможно, теперь же отделить шелуху в том, что мы знаем, – только таким путем возможно, хоть немного, прояснить темную главу в недавнем прошлом большевиков. Подобное прояснение настоятельно требуется в интересах современного изучения истории русской революции: следует установить какую, то базу, из которой можно было бы исходить, и наметить вехи, указывающая на путь, по которому надлежит идти.

II. Прелюдия.(1915–16 гг.)

1. Австро-украинская авантюра

Приходится начать издалека и напомнить о разоблачениях, появившихся в первый год войны в русской легальной печати. Так в № 8 журнала «Современный Мир» (1915 г.) была напечатана статья Гр. Алексинского (тогда еще эмигранта) под заголовком: «О провокации». Заимствуя из дипломатической «желтой книги» изданной французским министерством иностранных дел в первые месяцы войны, секретную записку немецкого генерального штаба от 19-го марта 1913 г., в которой развивался план ослабления противной стороны в случай войны путем организации восстаний при посредстве особых агентов, завербованных среди влиятельных политических вождей революционных партий и снабженных соответствующими материальными ресурсами, автор статьи иллюстрировал практику уже эпохи войны примером некоего французского унтер-офицера Ренэ Тизона, освобожденного из плена в целях ведения пропаганды среди рабочих Франции в пользу мира с Германией. История Ренэ Тизона и его сношений с немецким социал-демократом Зюдекумом, инспирировавшим французского унтер-офицера, была разоблачена на столбцах социалистической «Humanite». На основании данных, появившихся в № I Женевской «Боротьбы», официального органа заграничной организации украинской соц. дем. рабочей партии (в феврале 15г.), Алексинский рассказывал о том, что австрийцы пытаются делать в отношении русского фронта. Группой австрофильствующих русских украинцев – эмигрантов во Львове была создана организация – «Союз Освобождения Украины», поставившая себе целью возбудить революционное движение в Украине под флагом освобождения ее австро-венгерскими войсками. Союз издавал специальный орган «Ukrainische Nachrichten». «Боротьба» называла организаторов «Союза» – украинских соц. – дем. Д. Донцова, В.Дорошенко, М.Меленовскаго, И. Скоропись Иолтуховскаго, А. Жука и М. Зализника, причислявшаго себя к украинским соц.– рев.,– платными слугами австрийского правительства и решительно протестовала против «позорного» дела на австрийские деньги готовить в России «украинское вооруженное восстание и рабочую революцию».

Делегаты «Союза» разъезжали по Румынии, Болгарии и Турции для того, чтобы наладить связи с революционными организациями в России. Филиальным отделением Союза явилась возглавляемая Меленовским константинопольская группа «украинских соц.-дем.», о которой нью-

йоркская марксистская газета «Новый Мир» в октябре 14 г. сообщала: «В Константинополе нашлись люди, именующие себя украинскими и грузинскими национал сепаратистами, которые будто бы в цепях освобождения Украины и Грузии вступили в соглашение с турецким и германским правительствами. От имени демократии, революции и даже социализма эти господа выступили перед местными русскими эмигрантами и имели намерение втянуть в грязное и авантюристическое дело даже наших товарищей соц.-демократов». Последние «резко выступили против такого рода соглашения и позором и изменой окрестили действия этих субъектов, но были вынуждены не оглашать своей резолюции». В добавление Алексинский приводил из парижской, эмигрантской газеты «Голос» (25 ноября) другой документ – ответ грузинских соц.-дем, проживающих в Женеве «одной национально-политической организации», обратившейся к ним с «предложением воспользоваться современной всемирной войной для освобождения угнетенных наций в России: «обещав всякое материальное содействие.... посредник-представитель подчеркнул, что их организация для достижения выше поставленной цели действует под покровительством одной из воюющих держав и получает от нее материальную помощь так как эта держава заинтересована в поражении России и ее союзников». Женевские грузины, как и константинопольские соц.– дем., отказались от предложения организации, действующей «при материальной поддержке и под покровительством Гогенцоллернов, Габсбургов и их братьев». Тогда же в парижском «Голосе» за подписью Троцкого появилась заметка под заглавием: «Верно ли?», следующего содержания: «Верно ли, что так называемый «СОУ», в состав которого входят кое-какие бывшие русские революционеры, состоит на содержании королевского императорского, габсбургского генерального штаба? Верно ли, что «Вестник» этого союза, воспроизводящий прокламацию со словами: «Хай живе социальна революция» оплачивается из того же габсбургского источника? Верно ли, что б. Революционер г. Микола Троцкий, адрес которого обозначен на немецком бюллетене Союза, состоит на службе при венской полиции? Верно ли, что эмиссары этого Союза в оправдание габсбургского доверия и габсбургских ассигновок разъезжают по Европе в поисках за такими русскими и в частности кавказскими революционерами, которые согласились бы свою ненависть сочетать с любовью к габсбургской короне и особенно к габсбургским кронам?» .

Таким образом, не «либеральный историк», а сам Троцкий первым поставил вопрос о «золотом немецком ключе в грубой форме простой

подкупности известной группы революционеров. «Либеральный историк» в то время с некоторым скепсисом отнесся к разоблачениям Алексинского деятельности «Союза Освобождения Украины», поскольку дело шло о моральной подкладке австрофильской ориентации Союза,— Милюков в «Речи» считал «мутным источником» партийную полемику «Боротьбы» и помощь, «неприличным» обвинение политических противников в «простой подкупности».

Было бы, конечно, слишком упрощенно представить организацию СОУ в виде, какой то полицейской выдумки австрийской власти. Идеи эта имела уже традицию в некоторых течениях украинской мысли, выдвигавших историческую роль Австрии в воссоздании самостоятельности Украинской державы,— традицию, которую во время войны питала и неразумная политика русского правительства, стремившегося, по выражению некоторых официальных лиц, покончить раз навсегда с «украиномством». При таких условиях завоевание Галиции — этого «Пьемонта» культурно-национального возрождения Украины в представлении одних и «очага мазепинщины» в представлении других — действительно несло за собой разрушение достижений украинцев в общественно-политической и культурной жизни, и в силу уже этого галицийские «сичевые стрильцы» организовались как бы на почве «самозащиты». Так определяет позиции «Союза Осв. Украины» один из наиболее видных и объективных историков украинского движения проф. Дорошенко. Бесспорно, некоторые из вдохновителей СОУ оказались не очень разборчивыми в выборе средства осуществления своей идеи самостоятельной Украинской Державы и проявили, по нашему мнению, значительную политическую наивность, надеясь путем разгрома «Царской России» достигнуть «национальной независимости» Украины, но они сами впоследствии во всех подробностях рассказали и о своих целях, и о сношениях с генеральными штабами центральных держав и обо всех денежных суммах, ими полученных (в общем, около 800.000 марок). Это отчасти устраняет уже вопрос о «подкупности». К тому же и позиция СОУ в значительной степени уже изменилась с момента революции России.

Истории «Союза Освобождения Украины» я, конечно, не пишу и касаюсь попутно его деятельности лишь постольку, поскольку «авантюра» по устройству «революции» в Украине на австро-германские деньги может служить прелюдией к поискам «золотого немецкого ключа», который открывает большевистский тайник. Разоблачения Алексинского не произвели тогда должного впечатления на русское общественное мнение, а в части эмигрантской печати ему пришлось выслушать даже

резкую отповедь за неуместность и несвоевременность публичного выступления, дающего лишь оружие в руки политических врагов. Но сама эмигрантская печать, тем не менее, недвусмысленно высказалась по поводу австрийской авантюры. Своего рода эпитафию на надгробный памятник СОУ, несколько речь шла о возможности привлечения русских социалистов к выполнению немецкого плана, можно было найти еще до разоблачения Алексинского в легальной печати в соц.– дем. Органе Троцкого и Мартова – «Новом Слове», занимавшем среднее положение между определенным пораженчеством Ленина в «Социал-Демократе» и оборончеством плехановцев. Солидаризуясь с «Боротьбой», 28 февраля 1915 г. «Новое Слово» заключало: «Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов Союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинско-националистической идеологии, за что ж были исключены из украинской партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их партийную кассу».

Австрийские планы явно потерпели неудачу. Русское украинское общественное мнение решительно отгородилось от австрийской ориентации СОУ, и московская «Украинская жизнь» особенно предупреждала о возможности «провокационных попыток», в которые могли бы оказаться замешанными и «мечтатели» и «просто аферисты». Если и велась в России, какая либо пропаганда, то большого успеха она не имела, и надднепрянское население на нее не откликнулось Эмигрантская деятельность «мечтателей» и «аферистов» в Галиции практически свелось к некоторой пропагандистской работе в лагерях военнопленных в целях организации кадра будущей украинской армии, которая могла бы в рядах войск центральных держав участвовать в освобождении Украины от русского гнета. Работа эта приобрела характер большой активности с момента, когда расколовшийся СОУ перешел на территорию и иждивение Германии. О ней нам придется еще упомянуть.

2. Злой гений-Парвус

Украинская акция могла оказаться путеводной звездой, намечавшей направление, в котором надлежало идти в поисках материальных средств всем иным «мечтателям» и «аферистам» остальных пертурбаций. В этом и значение той странички прошлого, которую мы только что перевернули. На фоне немецко-турецко-украинских разговоров и действий выдвинулась фигура, которой предстояло сыграть видную роль в последующих событиях. То был знаменитый «Парвус», русско-немецкий соц.–дем. Гельфанд, начавший свою карьеру в Германии в 90 гг., перекочевавший в 1905 г. в Россию и фигурировавший в петербургском Совете Раб. Деп. в эпоху первой революции в качестве единомышленника, а, может быть, и учителя Троцкого. Снова Парвус бежал в Германию. Затем появился в Константинополе и сделался турецким поданным. Во время войны константинопольская агентура СОУ подала специальную прокламацию Парвуса к русским социалистам и революционерам, в которой этот тогда уже «младотурецкий деятель «люто нападал» на русских социалистов за их «национализм и шовинизм». Парвус призывал помогать поражению России во имя интересов европейской демократии. Руководители Союза поясняли, что Парвус и Ленин являются «наикраци маркситськи голови» и что оба они высказались за «освобождение Украины». У Парвуса было уже революционное имя. И «Боротьба» с некоторым недоумением останавливалась перед фактом сношения Парвуса с австрийскими агентами: «Неужели Парвус (Парвус!) дал «Союзу Освобождения Украины» подкупить себя?

Довольно таинственную личность представлял собой Парвус. Поверим, что все спекулятивные коммерческие аферы на Балканах этого человека «исключительнейшего ума и блестящего таланта, по характеристике Ст. Ивановича, лично его знавшего, имел только благую цель получить необходимые для социалистической пропаганды миллионы – так он утверждал, впоследствии в ответ своим обвинителям. Не будем читать в сердцах и допустим, что, сделавшись с начала войны немецким патриотом и, превратившись в *civis germanicus*, этот «социалист с востока» с левым уклоном по-своему добросовестно выполнял лишь националистическую программу 4 августа 1914 г., принятую большинством немецкой социал-демократии и определявшую её тогдашнюю тактическую позицию. «Ренегат», «социалист-шовинист», «немецкий Плеханов» по своему трафарету определил в «Социал-

Демократе» Ленин. Слишком уже официальный штамп носил, однако, «социал-шовинизм» Парвуса, сохраняя, по внешности и все свое интернационалистическое содержание. Теория получалась весьма своеобразная. «Даже наряду с чудовищными теориями, которыми были переполнены заграничные издания Ленина и некоторых других интернационалистов,.. теория парвусовской «Die Glocke» выдавались своей явной искусственной придуманностью и несомненной преступностью» – так передавал известный писатель Гуревич (Смирнов), принадлежавший к соц-дем. кругам, своё первое заграничное впечатление в 1915 г. при ознакомлении с новым парвусовским органом (московская «Власть Народа» 7 Июля 17 г.). По воспоминаниям Гуревич излагал (конечно, с известной стилизацией) суть поразившей его, но содержанию статью в «Колоколе» другого «крайне левого немецкого соц.– демократа Ленша. Это были дифирамбы гению Гинденбурга, который признан де вместе с революционным пролетариатом России, низвергнуть царское самодержавие, а затем купно с германским уже пролетариатом совершить остальную революцию в Германии и в других европейских странах. Гинденбург – главнокомандующий армии всемирной социалистической революции!

Так оправдывалась позиция в войне, занятая большинством немецкой социал-демократии...

Так или иначе «изворотливый», «предприимчивый», «ловкий» – эпитеты все лиц знавших его – Парвус вышел на большую политическую дорогу. Неудачная украинская афера лишь одно из звеньев широко, в общем, задуманного и осуществленного плана. Деятельность Парвуса переносится в центр, и с этого момента его имя на ролях посредника или организатора окажется тесно связанным со всеми страницами в истории выполнения этого плана. Коммерция и политика идут рука об руку – человеколюбивая операции с немецким углем в интересах рабочих союзов Дании сочетаются с научной деятельностью учрежденного в Копенгагене Парвусом «Института изучения социальных последствий войны», откуда какие-то невидимые нити проходят в дипломатические кабинеты германского посла в Копенгагене гр. Брокдорф-Ранцау и посла в Стокгольме барона фон-Люциуса, тянутся далее к ответственным представителям генерального штаба (полк. Николаи), к несколько странной фордовской «экспедиции мира» и к пацифистским русским кругам, тайным эмиссарам сепаратного мира – к общественному деятелю кн. Бебутову, журналисту Кольшко и т. д., и т. п. Нейтральные Копенгаген и Стокгольм превращаются в химические колбы, где бацилла остальной

революции в зависимости от момента, по указке из Берлина, перерабатывается в бациллу сепаратного мира. Идеальный пацифизм, поскольку он был, тонул при таких условиях в океане авантюры и корысти.

Мы не будем присутствовать на этой «пляске ведьм» по выражению одного русского современника, принимавшего в ней участие, – ибо наша задача попытаться проникнуть лишь в большевистскую тайну, которой окружается легенда о немецком золотом ключе. Совершенно естественно, что богатой русской невестой, за которой стали ухаживать немецкие женихи, явилась та группа эмигрантов, которая восприняла пораженческие идеи Ленина. Понятны отсюда попустительства со стороны полицейских властей Австрии и Германии и отношении эмигрантов, ведущих пораженческую пропаганду попустительства, которой и глазах многих впоследствии превратились, как бы в доказательства «предательства» ленинцев. Прямого доказательства, конечно, здесь нельзя найти. Когда официальный документ, вышедший из недр австрийского министерства внутр. дел и представленный в военный суд, который должен был судить Ленина, (он был, по недоразумению в первые дни войны арестован жандармами в галицийской деревне, но обвинению в шпионаже, ссылается на авторитетное свидетельство ходатайствующему перед властями за Ленина соц.- дем. Виктора Адлера, утверждающего, что русский революционер Ульянов «смог бы оказать большие услуги в настоящих условиях» – это само, но себе гораздо больше характеризует тогдашнюю тактику Адлера, нежели согласие Ленина идти в ногу с немецкой властью.

Сами большевики в своих воспоминаниях рассказали немало фактов, свидетельствующих о реальных попытках связаться с ними и использовать их деятельность в пользу немецкого командования. Посредниками являлись разного рода социалисты, и Парвус первым между ними. В этом отношении особо интересны конкретные показания Шляпникова. Они относятся к моменту уже оформившегося Циммервальда и его «левой», возглавляемой Лениным. Но психологическая обстановка благоприятствующая подобным комбинациям, стала складываться, как можно судить по примеру Адлера, уже с первых дней войны.

Вот что рассказала, например, ещё не бывшая в то время в рядах большевиков, Колонтай в «Отрывках из дневника 1914 г.» Эту интернационалистку совсем не трогала «судьба России». Она спешит из Кольбурга в Берлин, «наивно» веря, что надо быть на месте, чтобы участвовать и действиях немецкой социал-демократии против войны, и встречает «стихийны гипноз: Фатерланд»! «Да здравствует победа

культурной Германии», – «таков язык немецких социалистов». «Смердящий труп» – сказала Роза Люксембург. Колонтай арестована и сожалеет, что не успела уничтожить «компрометирующие документы» – мандат с печатью русской партии. Но это служит ей только на помощь... На другой день в полицейревире картина меняется: «Вы, известная агитаторша... русская социалистка не может быть другом русского царя... Вы свободны»... В русской колонии и рядах политической эмиграции также «царит непонятный шовинизм» – колонтаевцы одиноки. Так тянутся три недели. (Естественно, я отбрасываю все подробности, передающие переживания тех дней).³⁰ августа Колонтай записывает: «Встретила Фукса. Он конспиративно отозвал меня в сторону и вполголоса сообщил: «Поезжайте немедленно в колонию и пусть все члены прежнего комитета помощи явятся на квартиру т. З. ровно в 5 часов, только члены. Больше – ни души. Дело, не терпящее отлагательства. И весьма конспиративное... В 5 часов – все в сборе... Здесь же Фукс и Гере... Не успели разместиться вокруг круглого стола – вопрос Гере: «Скажите, а вы серьезно желали бы вернуться в Россию». Вопрос обращен к Чхенкели. «Разумеется, мы все время об этом хлопочем».-«А какие ваши намерения? то есть для чего вам собственно непременно хочется вернуться в Россию в такое тяжелое время? Вас же здесь не беспокоят». Чхенкели горячо объясняет свои намерения – использовать курс на либерализм в России, усилить влияние партии и рабочих.

– «И вы говорите, что рабочие в России не сторонники войны? С. и Чхенкели . оспаривают это положение, но уверяют вместе с тем, что война в России «не популярна», что она не носит характера народной войны. Гере и Фукс переглядываются... Наконец, в пространных выражениях Фукс сообщает, что несколько товарищей немцев...решили посодействовать нашему отъезду из Германии. Гере его перебивает: «Но раньше, чем поделимся с вами нашим планом – дайте слово, что – то, что мы вам сейчас скажем, никто и никогда не узнает»... Фукс продолжает: «Дело в следующем. Представляется совершенно неожиданная возможность устроить отъезд русских революционеров. Как, каким способом – это вас не касается. Я сам связан честным словом, а всякая болтовня может испортить дело»... Предложение было крайне неожиданно, но не неясно. Кто предлагает организовать отъезд? Кто даст деньги на осуществление этого плана? Почему такая таинственность вокруг предприятия? »... Решили тут же при Фуксе и Гере посоветоваться. Чхенкели и С. настаивали на приемлемости предложения. Ларин, тов. Генр. Дерман и я требовали гарантии. Наконец согласились... на то, что...

если отъезд наш действительно организован группой товарищей и сочувствующих... и если он не связан ни с какими обязательствами, тогда мы готовы положиться на такт инициаторов этого предложения...

Честь немецких товарищей и сознание их ответственности перед интернационалом для нас порука». «Само собой разумеется, что мы с вас никаких расписок брать не будем,» – раздраженно бросает Фукс... Какое вам то дело как, каким способом мы организуем отъезд? Лишь бы выбраться... Подсчитывают число едущих; наберется человек шестьдесят. Обойдется до 6.000 марок. Гере цифры не смущают... «Денежный вопрос вас также не должен заботить, мы это дело берёмся» уладить»....

Длинно Коллонтай рассказывает, как Чхенкели, желающий поскорее вернуться в Россию, остается равнодушным к «тайнственности предприятия» и как она и ее единомышленники отказываются от «игры в слепую». Эти принципиальные люди поясняют Фуксу и Гере, что они, за исключением Чхенкели и еще двух-трех, действительно, едущих в Россию, останутся в нейтральных странах. – «И будете вести оттуда революционную работу для России?» – «Зачем только для России? Мы интернационалисты, я, например, ставлю себе задачей остаться в самом тесном контакте с германскими товарищами, которые тоже не мирятся с войной, и буду работать для воссоздания Интернационала.. «У Гере лишь недоумение и явное разочарование... А Фукс хватает меня за плечо и злым шепотом, за спиной Гере, кидает: кто вас просил пускаться в откровенность?...Теперь все дело провалили». Позже в отсутствие Гере Фукс яко бы пояснил: «Конечно, Гере воображал по своей шовинистической глупости, что вы едете, чтобы поднять в России восстание, и что вы сочувствуете победе Германии. Также считали и те, кто давал вам разрешение на выезд...Ну и ехали бы себе спокойно в Данию, Америку, Швецию... Кто бы с вас там что-либо спрашивал? А теперь все дело провалено... Гере высказал все свои сомнения в некоторых учреждениях. Я не удивлюсь, если вы попадете теперь и списки «подозрительных», и если вас опять не переарестуют».Но «в учреждениях» посмотрели на дело по- другому. Социалисты были выпущены. Из 58 человек лишь трое оказались в среде «принципиальных социалистов» колонтаевского типа..

Когда Кускова первая заимствовала из изданного в 25-м году дневника Колонтай «сенсационные разоблачения о намерениях германских соц.– дем. использовать русских революционеров для активной пропаганды в России и напечатала статью «Человеческий документ» в «Последних Новостях», б. депутат Госуд. Думы Чхенкели

выступил с резким опровержением: «нужно ли особенно настаивать на том, что г-жа Коллонтай фантазирует, извращает или просто клеветает» – писал автор письма в редакцию «Посл. Нов.» «Намек на то, будто немецкие соц.– демократы помогли «русским социалистам» отправиться в Россию для цели устраивания там «восстания в тылу армии – вздор, не заслуживающий даже презрения. Чхенкели, опубликовавший еще в 1914 г. в «Современном Мире» воспоминания о Германии в первые недели войны, считал своим долгом подчеркнуть, моральную помощь немецкой социал-демократии и в отношении Гере и Фукса решительно отрицал приписываемые им Колонтай «низкие мотивы».

Конечно, все мемуаристы и неточны в изложении фактов и субъективны в их освещении. Но восприятия Колонтай как будто бы вполне; соответствуют тому, что было уже рассказано, и тому, что предстоит еще изложить впереди. Возможно, что такими посредниками, как тот же Фукс, могли руководить и мотивы гуманитарные и желание поскорее освободиться от беспокойных русских товарищей. По существу это мало изменяет дело. Психологически понятно импульсивное позднейшее раздражение Чхенкели. Колонтай сама в воспоминаниях облекается в принципиальную тогу, а меньшевика Чхенкели заставляет занимать уступчивую позицию в отношении к «гнусному плану» германского верховного командования. Но «принципы» переместятся в иную плоскость, если принять во внимание, как Колонтай характеризует тогдашнюю позицию Чхенкели – он понимал, по ее словам, свою «общественную» работу в России в «смысле обслуживания войны». В таких условиях для сознания довольно безразличны были те внутренние мотивы, которые толкали подлежащие немецкие «учреждения» на те или иные шаги в отношении русских, захваченных войной в Германии... Но зато как характерна та исключительная принципиальность та пуританская щепетильность, которую на словах проявляют люди «без отечества» – правда, больше в воспоминаниях. Чхенкели утверждал, например, что Колонтай вовсе не представляла собой в Германии такой «фатерландлос», какой она рисуется перед «московскими диктаторами» в дневнике, изданном в 1926 году.

Эта поздняя «принципиальность» красной нитью подчеркнута проходит через всю мемуарную литературу последовательных интернационалистов-пораженцев и производит впечатление откровенной фальши.

Такую же искусственную наигранность мы найдем в воспоминаниях Анжелики Балабановой («Из личных воспоминаний циммервальдца»). Она

с большой аффектацией и негодованием отвергает сделанное ей швейцарским соц.– дем. Грейлихом предложение, которое являлось как бы второй стадией осуществления всё того же «гносного плана». Инцидент, о котором рассказывает Балабанова, не имел прямого отношения к России, ибо она в начале войны представляла «итальянскую партию». По ее словам, Грейлих от имени своего приятеля химика, собственника пивоваренного завода в Италии, истинного друга мира, симпатизировавшего циммервальдцам, предлагал оказать помощь и дать «миллиончик франков» для партии. Не сродни ли был итальянский химик и пивовар Парвусу, который находился в тесном контакте со швейцарским депутатом? С «возмущением» и «злостью» Балабанова ответила, что за такие услуги с лестницы спускают: «если бы не только вопрос о войне и мире, но и о самом социализме зависал от принятия сантима, моя партия, как один человек... дала бы такой же ответ, как я». Грейлих был, однако, упорен. Он тайно проник на заседание Ц. К. в Болонье и повторил безуспешно свое предложение. Сведения об этом проникли в печать. Грейлиху пришлось держать, ответ за свою «феноменальную глупость» перед подготовительной комиссией по созыву второй международной интернационалистической конференции в Квинтале. Не объясняется ли строгая принципиальность, далеко не соответствовавшая жизненной практике, отчасти той «феноменальной глупостью», которую проявил недостаточно осторожный посредник?

Перейдем теперь к рассказу Шляпникова, пронизанному теми же тонами высокой принципиальности. «Нам большевикам – пишет он в книге «Канун семнадцатого года» – международный военный и полицейский сыск и провокация не давали покоя и за границей. Наши антивоенные лозунги, наша антицаристская революционная деятельность не могли не привлечь внимания правительств стран, воевавших с Россией, с Антантой. Германский империализм первый учел возможности использовать в своих интересах нашей активной революционной работы в России. Мы эти намерения предвидели. Развал и предательство социалистических партий II Интернационала облегчили правительствам и их генеральным штабам шпионские, затем политические авантюры. Милитаристические намерения германо-австрийских империалистов, однако, нас не смущали, а заставляли быть осторожными, побуждали следить и за границей за тем, чтобы, но попасть в лапы агентуры. Попытки проникновения в наши ряды германо-австрийской агентуры имели место уже в первые месяцы войны. И первым агентом империалистов явились «социал-демократы». Нам было известно желание немецкого социал-

демократа и купца Парвуса «помочь» нашей революционной работе. Но одного намека на это было достаточно для того, чтобы наши заграничные товарищи прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое-нибудь отношение к Парвусу и ему подобным господам». «Мне лично пришлось столкнуться с рядом агентурных попыток войти в нашу среду, оказать нам помощь или получить информацию. Первым агентом «высшей марки», с которым мне пришлось иметь дело ещё в октябре 1914 года, был голландский социалист один из вождей II Интернационала Трельста, приезжавший в Швецию в качестве посланца Ц. К. германской социал-демократии. От него первого я, приехав тогда из Петербурга, услышал заявление, что Ц. К. германской соц.- дем. поддерживает войну своего правительства в виду царистской опасности и что Ц. К. Германской соц.- дем. готов и нам в нашей борьбе оказать помощь Трельста был (или казался) крайне удивлен моим отказом, моим возмущением поддерживать нашу борьбу 16-ти дюймовыми снарядами... В том же Стокгольме к тов. А. М. Колонтай, а затем и ко мне явился соц.дем. (эстонец) Кескула. При свидании он спекулировал своими связями и знакомством с тов. Лениным, Зиновьевым и другими членами наших заграничных центров. Кескула вел себя чрезвычайно странно, высказывался в духе германской ориентации и, наконец, предложил свои услуги, если нам потребуется его помощь в деле получения оружия, типографии и прочих средств борьбы с царизмом. Его образ мысли, и поведение показались нам очень подозрительными, и мы тотчас же почувствовали в нем агента германского генерального штаба и не только отвергли его предложение, но даже прекратили с ним всякие сношения. Связи в Швеции у него были большие. Он имел сношения с финскими «активистами», имел друзей в русском посольстве и в русских банковских и страховых кругах. Наш отказ иметь дело с Кескула не остановил его дальнейших попыток проникнуть при помощи других лиц в нашу среду.

В конце 1915г. мы обнаружили связь секретаря стокгольмской группы РСДРП(б) Богровского с Кескула. Расследованием выяснили, что он получил от Кескула деньги, но пользовался ими в личных целях. За нарушение постановления о недопустимости сношений с Кескула (а не за мошенничество. С. М.) Богровский был исключен из партии... Вскоре нам удалось напасть на новые следы шпионского окружения нашей стокгольмской группы большевиков. Нам удалось напасть на следы связи Кескула с высланным из Норвегии левым социалистом датчанином Крузе. В 1915–16г. зимой я имел встречу с Крузе в Петербурге в датской гостинице «Дагмара». Его приезд в Россию мне показался чрезвычайно

подозрительным, а его объяснение, очень путанное, только утвердило во мне закравшееся недоверие. Будучи в 1916 г. в Москве у И. М. Бухариной, я получил еще ряд указаний и сведений, оправдывавших мои подозрения относительно роли и характера деятельности Крузе. Очевидно, не предполагая за собой никаких подозрений, Крузе в Москве предлагал все те средства, который еще в 1914 г. навязывал нам сам Кескула. Одновременно он пытался использовать наши связи, в частности данный ему И. Бухариным адрес Н. М. Бухариной для установления сношений с пребывавшими в Москве Друзьями Кескула Шляпникову пришлось познакомиться «с целым рядом финских, эстонских, сионистских работников, занимавшихся ранее революционной работой в России, а в это кровавое время державшихся несколько странной ориентации на германский штаб». Но он успешно развивал «стратегические маневры милитаризма».

Откровенным показаниям Шляпникова как будто бы можно поверить. И, тем не менее, трудно освободиться от впечатления определенной недоговоренности воспоминаний той нарочито подчеркнутой революционной принципиальности, которая заставляла всех мемуаристов большевистского лагеря щепетильно избегать германофильских кругов. Тут всегда Шляпников становится в некоторую позу – даже в мелочах, когда в этом, по-видимому, нет никакой необходимости. С негодованием, как и все, отвергая «грязные подозрения» насчет «германских» денег, на которые яко бы производилась революционная соц.-дем. работа – литература и ее транспорт, Шляпников, как человек, при непосредственном участии которого за время войны проходила «значительная часть» этой работы, подчеркивает мизерность денежных ресурсов, находившихся во владении партии. Он даёт почти точные цифры партийных денег, бывших в его распоряжении. 15 сентября 14 г. Шляпников на лично заработанный деньги отправляется за границу в качестве представителя петербургского комитета партии и думской фракции, получив на всю будущую агитационную работу «всего 25 рублей». Как бедна тогда была мощная пролетарская партия! Из Петербурга ему лишь «однажды выслали на жизнь 100 рублей с рекомендацией «устраивать все своими средствами». Приходилось прежде всего занимать – так ЦК шведской соц.-дем. партии одолжил Шляпникову 400 крон, да «у некоторых товарищей удавалось перехватывать около этого, малая толика поступала от нашего заграничного ЦК, – «вот и всё ресурсы прихода 14-го г. и весны 15 г. И дальше Шляпников продолжает высчитывать точно свои доходы- 1000 шиллингов удалось получить при

ликвидации финансов лондонского кружка через Литвинова.

Не желая останавливать работу в России» и изыскивая средства Шляпников в 1916г. отправился в Америку для того, чтобы продать там вывезенный им из России материал о положении евреев во время войны. Коммерческая комбинация довольно ясна, но и она облекается автором воспоминаний в сугубо настороженные формы по отношению к Германии. Стокгольмские евреи «очень заинтересовались» материалом, но Шляпников не хотел его продавать в Стокгольме, так как боялся, что он попадет в спекулятивные руки агентов германского штаба для их «политических и стратегических целей». Получив небольшую сумму денег на дорогу до Америки» от заграничной группы ЦК, Шляпников направился в Соедин. Штаты, дабы там «передать этот материал кому-либо из еврейских социалистических обществ. На лето «еврейская богатая публика была в разъезде. В конце концов, Шляпников продал материалы «еврейским ученым людям» по себе стоимости в 500 долларов, из которых половина ушла на расходы по поездке. Все это несколько наивно. Вовсе не надо быть следопытом, пристально идущим по стопам мемуариста, для того, чтобы усомниться в возможности при всей энергии инициативе Шляпникова вести широкую революционную работу, переправлять «пуды» пораженческой литературы в Россию, затрачивая 200, а то и меньше, долларов, в год. Правда, «пораженцы» находили добровольцев из числа шведских соц.дем., финских соц.– дем. и даже среди «активистов, как известно, жаждавших помогать революционной работе в России за счет германского штаба.

Но все же Шляпников ухитрился перебрасывать не только «пуды литературы, но и разъезжать между Петербургом и Стокгольмом, Христианией, Копенгагеном и Англией Его стараниями была организована вторая агитационная поездка в Америку – Бухарина и Чудновского. Если сам Шляпников, как он рассказывает, скромно ездил в III классе (он с пренебрежением говорит о буржуазной публике, наполнившей I и II классы), то его товарищи вовсе не гнушались, разъезжать в I классе – так Колонтай несказанно этим удивила встретившего ее при возвращении в Россию известного народовольца полк. Оберучева. Правда, Колонтай, сблизившись с заграничным центром большевиков и начав работать по директивам» Ленина, стала пользоваться особым покровительством «германской группы американской партии», по просьбе которой и на счет которой дважды, например, съездила в Америку, как она о том сама передает в своей автобиографии («Пролет. Рев.»). Очевидно все-таки, или Шляпников сильно преувеличил свою

революционную работу, или дотация Ц.К. партии не всегда была столь мизерной, как это изображает мемуарист и как это устанавливают опубликованные письма, или секретарь стокгольмской большевистской группы «рабочий Богровский» не всё, получаемое от немецкого агента, тратил на свои личные нужд Из текста самого Шляпникова можно вывести заключение, что Богровский подвергся скорее остракизму за излишнюю прямолинейность и наивность: он выдавал Кескула, то есть» агенту германского генер. штаба» расписки в получении денег для «партийной цели» на бланках ЦКСДРП(б) и с официальной печатью.

Может быть, и не так в действительности безнадёжна была попытка Шляпникова получить деньги от некоторых, по крайней мере, стокгольмских и копенгагенских спекулянтов из числа бывших социалистов для «такого неспекулятивного предприятия, как революционная работа в России», – утверждает мемуарист – эти «господа» не хотели и пальцем пошевелить.

«Довольно противная среда» – характеризует Шляпников копенгагенскую обстановку. «Русских граждан в Копенгагене этой осенью было очень много. Сюда съехались все спекулянты, все мародеры и богачи военного времени. Спекулировали главным образом предметами питания и немецкими фабрикатами (краски, лекарства, канцелярские принадлежности и т. и.). «Социалисты» также не отставали от военных доходов. Так немецкий социалист, известный в свое время в России, Парвус уже нажил не один миллион и начал жертвовать и учреждать полезные предприятия. Некоторые из русских «социал-демократов» не брезговали спекуляцией...некоторые поплатились за это высылкой из Дании но перемена места не помешала делу». Мемуарист забывает только сказать, что на первом месте среди этих «социалистов»-спекулянтов («всякой интернациональной дряни», – по отзыву другого мемуариста) должен быть поставлен один из ближайших друзей Ленина, одновременно теснейшим образом связанный со всей деятельностью Парвуса,- Фюрстенберг (Ганецкий).0 нём в своих воспоминаниях за дореволюционный период Шляпников вообще не обмолвился. Именно арест и высылка Фюрстенберга из Копенгагена за «военную контрабанду», вызвавший вмешательство в пользу Ганецкаго перед прокурором Торупом со стороны вождей датской соц. Демократии Стоунина и Борбиерга, произвели большой шум в русской колонии в виду того, что защиту неведомого коммерсанта Фюрстенберга организовывали видные русские революционеры: «нашесловец» Урицкий, с.-р. Камков и б. член Думы Зурабов. Тем не менее,. Фюрстенберг был выслан, покинув свою

«шикарную виллу в Шателлунде, заплатив штраф в 15 тысяч крон отсидев 3 месяца в тюрьме, Фюрстенберг-Ганецкий перенес свою спекулятивную деятельность в Стокгольм.... Забывает Шляпников добавить и то, что «немалое» число русских эмигрантов, работавших в коммерческих и иных учреждениях Парвуса – в том числе в «Институте изучения последствий войны», где наука; весьма своеобразно переплеталась с коммерцией и политикой, примыкало к ленинцам и полуленинцам. А Ганецкий, по свидетельству Колонтай, являлся одним из главных работников по закреплению позиций «циммервальдской левой» и установлению связей между Российскими и швейцарским центром. В тесных сношениях с ним стояла и сама Колонтай с лета 1915 г.

Мы уже видели и увидим еще, как относительно надо понимать утверждение Шляпникова, что «одного намека» на помощь со стороны Парвуса «было достаточно для того, чтобы наши заграничные товарищи прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое ни будь отношение к Парвусу и ему подобным господам». Когда тот же Алексинский в середине 1915 г. на страницах эмигрантской печати («Свободная Россия») выступил с изобличением копенгагенской деятельности Парвуса, оно встретило решительный печатный отпор со стороны некоторых русских участников Института Парвуса! (Зурабов, Перазич и др.), протестовавших против клеветнических выпадов Алексинского и утверждавших, что они являются лишь научными сотрудниками парвусовского учреждения. Тогда разоблачения Алексинского вновь далеко не всем показались убедительными. Вот свидетельство не эмигранта, а упомянутого уже Гуревича (Смирнова), который был за границей (в Стокгольме и Копенгагене) по делам всероссийского Союза городов в декабре 1915 г. Он писал в цитированной статье: «Между прочим, я получил возможность ознакомиться с брошюрами Алксинского, в которых последний совершенно неубедительно обвинял Парвуса и некоторых его товарищей в том, что они состояли агентами Германии, и с коллективным печатным протестом против Алексинского, группы эмигрантов, среди которых были старые видные деятели соц.– демократии люди, несомненно, честные и беззаветно преданные нашему общему делу. Кроме того, некоторые другие эмигранты, отрицательно относившиеся к коммерческой деятельности Парвуса, с негодованием отвергали обвинения Алексинского, которые они называли клеветническими и преступными». Дело в том, что некоторые специфические черты натуры Алексинского, формы его писаний, действительная неразборчивость в средствах политической борьбы лишали

автора разоблачений необходимого морального авторитета. Разоблачения опирались на невесомые доказательства – их можно было бы отнести в известной части к числу эмигрантских сплетен, ходивших уже тогда о работе ленинцев при поддержке военных и политических властей Австрии и Германии. На эту связь указывали слухи об условиях, при которых происходила в Швейцарии вербовка среди социалистов «сотрудников» Научного Института Парвуса. Плехановец Киселев, живший в Цюрихе, сообщал, например, что этим сотрудникам гарантировался свободный проезд из Швейцарии через Германии и что им давались при соучастии все того же Грейлиха специальные рекомендации в германские консульства и т.д. Солидность разоблачений подрывал и тот факт, что с момента создания в Париже среди русских социалистов объединенного оборонческого органа «Призыв», куда вошел от плехановской группы и Алексинский, для разоблачений больше не оказалось места – очевидно, и здесь эти разоблачения не представлялись доказательными.

Если Гуревич до непосредственного прочтения «Die Glocke» сомневался в роли Парвуса, то последняя как будто не вызывала никаких сомнений у большевиков. После июльских дней 17 г., когда против них были выдвинуты уже конкретные обвинения, Ленин, Зиновьев и Каменев в коллективном письме, напечатанном в «Новой Жизни» 11 июля, говорили: «приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса ещё в 15 г. как женеvский «Социал-Демократ», который мы редактировали и который в статье «У последней черты заклеил Парвуса, как ренегата, лижущего сапоги Гинденбурга»... «Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что ни о каких абсолютно политических и иных отношениях к Парвусу не может быть речи». «В Русской социалистической печати я первый- добавлял Троцкий тогда же в аналогичном письме в редакцию «Известий» – разоблачил недостойную связь Парвуса с германским империализмом, констатировал полную политическую и нравственную несовместимость такой политики с революционной честью и призвал всех русских социалистов порвать какие бы то ни было политические связи с Парвусом».

Все это так. Но странным образом «коммерческие» дела с «ренегатом, лижущим сапог Гинденбурга» не вызывали возражений; казались естественными «торговые» связи во время войны с «агентом германского генерального штаба», пытавшимся «помочь» революционной борьбе во вражеской стране. В ответ на напечатанное 22 июля сообщение прокурора о привлечении к суду Ленин (в «Солдате и Рабочем» 26 июля) строил мало

убедительный силлогизм: «прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический приём, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо торговал вместе, но целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служил в предприятиях и учреждениях Парвуса»... «Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного на названных товарищей (имеются в виду Ганецкий и Козловский) ни на себя лично, ни на партию не получили» – утверждали в своем коллективном письме 11 июля Ленин и Зиновьев. И вот член партии Ганецкий, торгующий контрабандным товаром во время войны не только вместе с ренегатом», но и «агентом» германского генерального штаба, не дающий ни одной копейки партии, почему то пользуется, как утверждал Зиновьев в своем ответе на обвинительный акт, «уважением во всех фракциях», как член главного управления польской социалистической партии и член объединенного Ц. К. русских социал-демократов. Он пользуется не только «уважением», но с ним систематически поддерживают ближайшие политические отношения, несмотря на формальное яко бы запрещение иметь хоть какие-нибудь дела с Парвусом. «Дорогой товарищ!» – так начинаются письма Ленина « Ганецкому. Странная политическая мораль! Очень подозрительна вся эта логическая и словесная эквилибристика.

Со стороны приходит нам свидетельство, определенно говорящее, что Ганецкий выполнял не только коммерческие распоряжения своего шефа по контрабандной торговле. Гуревич рассказал эпизод, действующими лицами, в котором являются Парвус, Ганецкий и Козловский. Эпизод сравнительно второстепенный в масштабе мировых событий, но чрезвычайно показательный. «Летом 1915 г.... прис. Повер. М. Ю. Козловский, с которым я до того времени несколько раз встречался и Петербурге в квартире моего хорошего знакомого, известного присяжного поверенного (23) – писал Гуревич – попросил у меня по телефону разрешение явиться ко мне по очень важному делу... Он заявил мне, что Парвус которого он незадолго до того видел в Стокгольме поручил ему разыскать меня и предложить мне от его, Парвуса, имени взять на себя постановку и редактирование большого марксистского ежемесячника, на который Парвус может ассигновать несколько сот тысяч рублей. Я выразил удивление, откуда у Парвуса, которого я знал с 1889 года и который жил всегда, насколько мне известно было, исключительно литературным заработком, такие крупные средства . На это Козловский

мне ответил, что Парвус нажил большое состояние на поставке хлеба младотурецкому комитету и теперь продолжает увеличивать свои средства другими коммерческими предприятиями. Повторяю, я знал Парвуса давно и в его личной порядочности никогда не сомневался. Разоблачениям Амфитеатрова, которые незадолго до того появилось в русской печати, я не придавал никакого значения. Но во время революции 1905 г. Парвус в течении своей кратковременной деятельности в Петербурге обнаружил некоторую склонность к политическим авантюрам, и многие из нас, его товарищей, с тех пор относились к нему с некоторой осторожностью. Поэтому я попросил Козловского передать Парвусу, которого он, по его словам, должен был вскоре снова увидеть в Стокгольме что я, к сожалению, слишком занят и взять, но себя редактирование большого журнала не могу». В конце года, как указывалось уже, Гуревич попал в Стокгольм Здесь его посетил оказавшийся в Стокгольме Козловский – посетил в сопровождении товарища, которого назвал Фюрстенбергом (Только в 1917 г. Гуревич узнал, что Фюрстенберг и Ганецкий одно лицо.

Посетители передали просьбу Парвуса повидаться. И снова Гуревич отказался». Через два дня Фюрстенберг и Козловский снова повторили просьбу Парвуса о свидании, и снова Гуревич отказался от этой чести. На следующий день перед самым отъездом Гуревича в Россию его еще раз посетил Фюрстенберг, обратившийся к нему с просьбой относительно Козловского. Последний де был юристконсульт какой то группы русских промышленников, ведших переговоры с Парвусом о покупке пароходного дела. Конкуренты той группы, интересы которой представлял Козловский, послали на него донос в департамент полиции, что он яко бы является германским шпионом. Департамент полиции запросил посольство в Копенгагене, но, несмотря на благоприятный отзыв последнего, Козловский опасался ехать в Россию. У Гуревича почему-то спрашивали совета, как поступить, и просили повидать в Петербурге Соколова и передать ему просьбу Козловского приехать в Стокгольм. Гуревич просьбу выполнил. «На присяжного поверенного – заключает мемуарист – рассказ этот, видимо, произвел такое же впечатление тягостное, как и на меня». В Стокгольм он не поехал...Достаточно туманная история. Зачем Парвусу надо было завязать сношения с определенным «оборонцем», каким был будущей редактор «Власти Народа», и приманивать его сотнями тысяч рублей на постановку марксистского журнала? Единственное объяснение, что таким путем искали некоторого иммунитета для проникновения в Россию. Во всяком случае, достаточно знаменательно, что посредниками от изобличенного

Парвуса явились два видных большевика.

3. «Чудовищно-неправдоподобное»

По методу Ленина можно было бы построить и такой силлогизм. Парвус политически был связан с Ганецким, Ганецкий был связан с Лениным. Следовательно, Ленин был связан с Парвусом. И такое заключение отнюдь не было бы «мошенническим приемом». «Гнусной ложью» называл Ленин обвинение его в том, что состоит в сношениях с Парвусом. «Ничего подобного не было и быть не могло»..... «Парвус такой же социал-шовинист на стороне Германии, как Плеханов социал-шовинист на стороне России. Как революционные интернационалисты, мы ни с немецкими, ни с русскими ни с украинскими социал-шовинистами (Союз Освобождения Украины) не имели и не могли иметь ничего Общего». Но ведь дело шло даже не о том, что последовательные русские интернационалисты заняли позицию немецких социал-шовинистов», т.е. встали на сторону Германии, как таковой, в силу признания, что победа немецкого прогресса все же с точки зрения людей, желавших иметь отечество, более целесообразна, нежели победа русской реакции: «поражение России меньшее зло» – как известно, утверждал Ленин. Вопрос был только в том: приняли ли русские революционные интернационалисты большевистского пораженческого лагеря немецкие деньги для осуществления своей циммервальдско-кинтальской позиции? Теоретически подобная возможность, конечно, отрицалась. Но практически была ли она возможна?

Не одних только большевиков обвиняли в годы войны в использовании немецких денежных источников для активной пропаганды. Немецкие агенты должны были пытаться проникнуть во все русские революционные группы, им принявшие циммервальдскую или вернее кинтальскую платформу. Революционные проповеди социалистов-революционеров пораженческого уклона, шедшая во время войны фактически рука об руку с агитацией большевиков, естественно должна была привлекать к себе внимание тех немецких интернационалистов, которые, так или иначе, работали в контакте с германским военным штабом. Если вы раскроете книгу Никитина, начальника петербургской военной контрразведки в революционные месяцы («Роковые годы»), то вы найдете в этих воспоминаниях весьма категорические, но не совершенно безответственные суждения о той связи, которая установилась в Женеве между собравшейся здесь группой с.-р. и представителями германской власти. В октябре 15г. Чернов со своими единомышленниками (Натансон,

Кац Камков и др.), пользуясь германской субсидией, организуют «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии). Этот Комитет издавал «на немецкие деньги» журнал «На чужбине», который «бесплатно рассылался на немецкие же средства по лагерям русских военнопленных». Откуда почерпнул Никитин эти сведения? По его словам, из секретного справочника английской разведки, сообщенного ему в мае в английской миссии майором Alloу, и из рассказов «старых эмигрантов». Последние передавали Никитину, что Чернов лично «не состоял в непосредственном сношении» с немцами – «деньги приносил Камков», получавший их от австрийского консула Пельке фон Норденштая или от германского вице-консула в Женеве Гофмана. Но Чернов де «знал, чьи это деньги, знал, а что они даются и ими пользовался за свои труды, которые отвечали полученным заданиям»

В своей книге Никитин не обмолвился даже о том, что этот эпизод революционной деятельности эпохи войны вызывал уже в июле 17 г полемику в газетах, временный выход Чернова из состава правительства и общественное расследование достоверности сообщенных печатью сведений, преподанных, однако, в то время далеко не в таком сконцентрированном виде как в тексте полковника Никитина. В свое время в «Речи» вопрос лично в отношении Чернова поставлен был иначе. В чем «сущность обвинений?» – спрашивала газета 22 июля. Чернову «вменяются в вину деяния, имеющие заведомо преступного характера и влекущие за собой не уголовную, а политическую ответственность. Уже один факт его сотрудничества в журнальчике «На чужбине» делает его положение затруднительным. М. Чернов должен будет доказать, что он мог и не знать, что журнал распространяется в лагерях для военнопленных с согласия и при содействии германских властей. Он обязан был заинтересоваться вопросом, откуда берутся средства для издания этого органа. Он – литератор с именем и партийный вождь – не имел никакого права не обращать внимания на подозрительные махинации, которые творились в Швейцарии в ближайшем соседстве от него».

Оставим в стороне этическую оценку, как позиции Чернова, так и «похода против Чернова» в 17 г. – «постыдной, позорной эпопеи», по мнению органа Ц.К. партии с.-р. «Застрельщиком» этого похода, несомненно, явилась «Речь», и цель дискредитировать политического противника была ясна. Кадетский официоз в сущности и не скрывал своих мыслей, когда писал «Неужели же г. Чернов не понимает... что ведь министром он все равно оставаться не может, не говоря уж об интересах родины, циммервальдцу чуждых, а ради партии, в которой вызывает

«глубокое волнение» и «законные протесты». Чернову давно следовало бы уйти вообще и сойти хоть на время с политической сцены».

Согласимся заранее, что Временное Правительство с полным основанием в заседании 24 июля, выслушав доклад министра юстиции Ефремова и заключение министра председателя Керенского, «с удовлетворением убедилось в злостности тех слухов, которые распространялись...в печати и обществе по поводу деятельности В.М. Чернова, в бытность его за границей». Согласимся и с позднейшим утверждением редактора эмигрантских «Современных Записок» (Руднева), что «повторять голословные и не подтвердившееся обвинения – вещь с точки зрения добрых литературных нравов явно недопустимая». Слова эти относятся к разоблачениям автора книги «Роковые Годы». Неумением критически разобраться в используемом материале Никитин однако, не столько нарушал постулаты литературной этики, сколько дискредитировал методы своей работы даже в тех случаях, когда, по мнению Руднева, его сообщения «оставляли впечатление полной достоверности и подкрепляют тезу о предательстве большевиков».

По существу дело вовсе не в том, что знал и чего не знал лидер партии с.-р., а в том: пользовалось ли издание «На чужбине», с № 29 выходявшее с напечатанной этикеткой «для бесплатной раздачи», особым «покровительством» немцев?

Считать, что «расследование», произведенное в 17-м г. (органы революционной демократии потребовали «трехдневного» срока), что либо опровергло из «голословных» обвинений, нет никакого основания. С обычной для себя вульгаризацией Ленин подвел итоги тогдашнего расследования: к.-д. и с.-р. «помирились» «И – о чудо, «дело» Чернова исчезло. В несколько дней без суда, без разбора, без оглашения документов, без опроса свидетелей, без заключения экспертов». Возражения в печати далеко не всегда в те дни обладали достоинством убедительности, хотя партийная с. р. печать называла все «темными инсинуациями», «вздором и грязной клеветой, для полного разоблачения которых не требуется много усилий». Негодование вызвало главным образом то, что «Речь» привела выдержки из донесений (конца 15-го и начала 16-го г.г.) начальника русской тайной полиции в Париже Красильникова о той по выражению газеты, «мистерии», которая совершалась в Женеве при участии австрийского консула Пельке фон Норденшталя. «Речь» заимствовала материал у одного из стаи славных «фабрикантов провокации и полицейских шпионских дел мастеров, которому было бы место в Петропавловской крепости, если бы он

находился в России» -утверждал Чернов...«Речь» глядит на просветительную работу среди военнопленных «под тем же углом зрения, как бывший Департамент полиции»; материалом для «Речи» оказался «из всех мыслимых грязных источников» «самый грязный» – доносы Красильников (из статьи Святицкаго в «Деле Народа»); о «содружестве» с охранным отделением, которое сама «Речь» так часто обвиняла в «лживости, подлости и иезуитского использовании всех средств в самых глубоко корыстных целях» – говорила горьковская «Новая Жизнь» (статья Керженцева).

Это была демагогия. Фальсификация и провокация пышным цветом распускались в деятельности департамента полиции, но мы также хорошо знаем и то, что подчас Деп. Полиции имел прекрасных осведомителей. В 1917 г. никто не заподозрил подложности этих документов. Не без основания как будто бы «Речь» замечала, что «преждевременное торжество крайне неуместно». Раз имеются официальные документы, «то они подлежат внимательному рассмотрению» «мы не желаем предупреждать оценки. Почему же «Дело Народа» упоминает только и специально Красильникова, если в действительности документы исходят и от военных агентов и от дипломатических представителей и от русских и от иностранных». Самому Чернову эти документы казались «чудовищно-неправдоподобными» (по внутреннему своему содержанию). Почему? Русская революционная практика былых времен знавала случаи использования денежных ресурсов вражеской страны. Революционная этика осудила такие прецеденты. Но разве эпизоды не могли повторяться? Разве так уже разборчивы были всегда в средствах отдельные группы или даже скорее лица? Разве «авантюристы» или «аферисты», о которых упоминала редакция «Украинской Жизни» в связи с деятельностью «Союза Освобождения Украины», не могли проползать в революционные группы без ведома даже их идейных руководителей? Разве с заднего крыльца не могли приходить немецкие агенты, обряженные к тому же в социалистические и пацифистские мундиры и заинтересованные в революционной пропаганде даже среди военнопленных? Возможное – конечно, не есть сущее. Однако, насколько даже в кадрах партии соц.– рев. не все всегда было благополучно с морально-общественной стороны, показывают те записи, которые занесла Гиппиус в свой дневник в 1917г. Там прямо со слов членов группы «Призыв» значит: «у нас многие – просто германские агенты, получают большие деньги». «Ручаюсь честью – добавляет автор напечатанного дневника – что не прибавила ни одного слова своего, все это точнейшая сводка подлинных слов». Характеристики

импульсивных людей в частных разговорах не могут быть отнесены к источнику исторического познания – это довольно ясно, но они рисуют тот общий фон, на котором «чудовищно неправдоподобное» могло приобретать вполне реалистические контуры.

«Документы», которые хотели дискредитировать одним именем Департамента Полиции, ничего невероятного в себе не заключали, но, как всегда, правдоподобное разбавлялось «эмигрантскими сплетнями» не столь уже достоверными филерскими наблюдениями; документы рассказывали нечто, находящееся в полном соответствии с другими известными нам аналогичными фактами. Так письмом от 24 февраля 15 г. Красильников сообщает о переговорах русских эмигрантов в Монтре через швейцарского социалиста с неким «социалистом с востока», оказавшимся уполномоченным австрийского военного агента в Лозанне (так и хочется здесь поставить имена Грейлиха и Парвуса). Австрийцы предлагали русским революционерам крупные субсидии. Русские отказались. Агентура добавляет, что вслед за приездом австрийского эмиссара в рядах «левых социалистов резко обозначилась странная активность: в Женеву приехали Натансон, Чернов и др., происходят совещания. Утверждать, что кто-либо из этих лиц взял у австрийцев деньги у агентуры никаких данных не имеется». Вывод, как видно, даже довольно объективный. 5-го октября Красильников передает о деятельности среди русских военнопленных в Германии, организованного в Гааге совместно с голландскими социалистами: «Революционные брошюры и литературу германские власти пропускают вообще охотно, а Комитету революционной пропаганды удалось заручиться обещанием, что вся литература с печатью комитета будет пропускаться в Германию без всякой цензуры. Комитет обратился к делегации партии с.-р. с просьбой высылать народническую революционную литературу, а еще лучше, если возможно, дать для этой цели периодический революционный журнал». «Документы» выясняют и личность посредника в той женевской группе, «вожаками» которой являются «Кац с Черновым». Это некто «Зайонц, Марк Мендель Хаимов, мещанин города Седлеца», вошедший в сношения с Пельке и ездивший с соответствующими поручениями в Вену (сведения военного агента и посланника в Берне). Зайонц будто бы утверждал, что «может доставлять в Россию все, что нужно, для покушений, воззвания и средства облегчить переход лиц через границу с Румынией»

Зайонц и вызвал наибольшее возмущение со стороны тогдашних неумеренных защитников «добрано имени» Чернова. Письмом в редакцию «Речь» бывш. тов. председателя общества интеллектуальной помощи

русским военнопленным, доктор медицины, ассистент по кафедре бактериологии и гигиены Женевского университета, член партии с.-р. Вноровский (все эти титулы для авторитета опровержения перечисляются) категорически заявлял, что «никакого Зайонца в числе членов общества за все время существования его не было и самое имя это я в первый раз слышу». «Карты на стол!» – негодуя восклицал Святицкий. «Довольно играть в прятки. Публицист попросту обвинял «Речь» в том, что она, вдохновленная изысканиями Департамента Полиции («трогательная кооперация») «примыслила и от себя, «взяв какого то неведомого Зайонца, о котором даже нет упоминания в документах Департамента Полиции. Святицкий слишком спешил. В документах, приведенных в «Речи» и напечатанных за день появления в «Деле Народа» статьи Святицкого, Зайонц не только назван ен тоутес леттрес, но и фигурирует в сообщении посланника в Берна, в рапорте военного агента в Швейцарии и в полицейском донесении Красильникова.

«Мещанин города Седлеца» – миф это или действительность? Я не знаю и по имею никакой возможности разобраться в революционной конспирации всех этих обильных псевдонимов, с чужими паспортами с удивительной легкостью бродивших (на какие деньги?) в то время по Европе от Женевы до Копенгагена, заглядывавших и в Америку – и почти всегда оказывавшихся в каких то сомнительных связях с группой интернационалистов, помогавших осуществлять планы германского генерального штаба. Среди этих путешественников встречается много знакомых имен, так или иначе имеющих отношение к ленинской фаланге.

В свое время «Речь» делала, между прочим, одно заслуживающее внимания сопоставление. Секретарем «На Чужбине», популярного с.-р. органа, распространяемого среди военнопленных наряду с другой партийной и непартийной литературой, начиная с азбуки, состоял некто Прош-Прошянц». В Гельсингфорсе в 1917 г. был арестован и привлечен по обвинению в мятеже 3–5 июля также некто Прош-Прошянц, соц-революционер, примыкавший к интернационалистам и работавший в редакции газеты «Волна» вместе с гельсингфорскими большевиками.

Я должен был остановиться на эпизоде, связанном в 1917 г. с именем Чернова и с журналом «На Чужбине», отчасти потому, что здесь перед нами проходили единственные пока официальные документы старого дореволюционного правительства, которые имеются в нашем распоряжении и которые говорят о той или иной связи русских революционеров с немецкой агентурой. Но буду, однако, осложнять своего изложения дальнейшим отвлечением эпизодом, относящимся к

деятельности тех революционных групп циммервальдского объединения, в которых должен был произойти психологический сдвиг в момент, когда реакционную «царскую Россию сменила Россия «революционная». Если не «символ веры» интернационализма, то методы борьбы делались иными. Острые проповеди «пацифизма» теперь надлежало направить в сторону уже германского империализма, превратившего передовую страну по отзыву независимого с.-д. Газве в «наиболее реакционную». Только у «революционных интернационалистов», последователей Ленина, психология, в сущности, не изменилась. Еще в 1915 г. ими было заявлено, что они в период империалистической войны не будут защищать своего отечества даже, если в России произойдет республиканский переворот. В своей фанатичной слепоте, не считаясь с конкретной действительностью, они продолжали приносить жертвы Молоху германского империализма, ибо выбрали линию наименьшего сопротивления и во имя «победоносной революции» разлагали по традиционному «завету» Маркса и Энгельса «старую» армию, которая должна была служить «самым закостенелым инструментом» поддержки низвергнутого строя. Слишком хорошо известно, что вождь этих утопистов социальной революции – человек морально примитивный – отнюдь не склонен, был проявлять излишнюю разборчивость и щепетильность в изыскании средств и методов борьбы. Едва ли Ленин мог бы повторить ответ, который дала, – по крайней мере в своих воспоминаниях – Анжелика Балабанова от имени итальянской партии Грейлиху. Ленину гораздо более свойственно было достаточно прославившееся заявление, сделанное им в ЦК партии в период брестских переговоров: «прошу присоединить мой голос за взятие картошки я оружия у разбойников англо-французского империализма». Неужели, какие то отвлеченные принципы могли бы остановить Ленина перед решением брать деньги у «разбойников центральных держав для выполнения своей общечеловеческой миссии? Здесь мог возникнуть только вопрос тактики, т. е. реального учета подходящих условий, по мнению Дейча, «Ленин всегда держался того мнения, что деньги не имеют запаха». Много раз Бурцев высказывал твердую уверенность, что еще в конце 16г. Ленин договорился с немцами и что в этих целях он тайно посещал (германское консульство в Берне – так, между прочим, свидетельствовали и агенты заграничного розыска русской политической охраны, о которых мы знаем, к сожалению только из чужих рук. Часто, очень часто предвидение и чувство реальной действительности не обманывали Бурцева, но бывали и ошибки. Никаких конкретных доказательств наш историк революционного движения и политического

сыска до сих пор в своих многочисленных статьях не привёл, хотя и ссылался на «официальные документы», находившиеся в его руках и устанавливавшие «сношения Ленина и Троцкого с представителями немецкой и австрийской полиции и военной разведки. В политическом увлечении Бурцев неосмотрительно мог даже написать в 21 г.: «нам были показаны (?!) подлинные письма Ленина к видным деятелям немецкого генерального штаба». Бурцев, систематизировав обвинения в изданной по немецки брошюре « Я обвиняю!» (некоторые данные Бурцевым были получены непосредственно от одного «видного государственного деятеля Германии), пытался проникнуть в немецкие архивы и сам впоследствии рассказывал, что ему показывали только папки, в которых будто бы заключались криминальные документы. Эти общие утверждения о факте договоренности во время войны вдохновителя «левых» циммервальдцев с германским генеральным штабом легко и без критики усваивались общественным мнением и переходили на страницы воспоминаний – у Керенского, и работ, носивших характер исследовательский – у Милюкова. Генерал же Спиридович, автор небезызвестных официальных очерков по истории революционных партий в России, смело идет дальше и рисует цельную картину последовательных этапов ленинского предательства.

Он утверждает, что ещё в июне 1913г. Ленин «сделал личное предложение германскому министерству иностранных дел работать для него в целях разложения русской армии». Министерство первоначально отвергло предложение Ленина. Но вмешался служивший в Германии «политическим агентом Парвус и убедил германское правительство. В июле Ленин «был вызван в Берлин, где; им совместно с представителями германского правительства был выработан план действий тыловой войны против России и Франции. Немедленно после объявления войны Ленину должны были выплатить 70 мил. марок, после чего дальнейшие суммы должны были поступать в его распоряжение по мере надобности». Откуда получил все эти детали ген. Спиридович? Если в исторических очерках жандармского генерала имеется ценный материал, поскольку автор пользуется документами Департамента Полиции, то обработка этого материала в тексте не сопровождается соответствующим критическим аппаратом. Сам автор говорит о моменте, им описываемом что «русская государственная полиция, утратив только что в лице Малиновского (известного провокатора члена Гос. Думы) своего единственного осведомителя освещавшего ей самый мозг большевизма – Ленина его интимный кружок, оказалась совершенно слепой и неосведомлённой об

его намерениях планах и действиях». И вот свои домыслы, внушенные Бурцевым ген. Спиридович преподносит уже в качестве в установленных будто бы документами фактов.

По такому пути история идти не может. Тайна если она есть, – во всяком случае, пока остается тайной. Сокрыта ли она в официальных немецких архивах, найдутся ли какие, либо следы в мало разработанных ещё хранилищах нашего Департамента Полиции и военной контрразведки? К сожалению, последние значительно пострадали в революционную эпоху, когда и самозащита чинов охраны, и неразумный инстинкт революционеров и чья то злостная третья рука совместно уничтожили криминальные документы последних дней царского самодержавия. Также недоступны, нам и возможные проверки по архивам русской заграничной политической разведки с центром ее в Париже. Неизвестно по каким соображениям она запрятана подлежащим эмигрантским ведомством на долгие годы в одном из американских хранилищ документов. Приходится утешаться, что это сделано для истории, но через полстолетия тема, к сожалению, потеряет свою актуальность. Нам же суждено пока возвращаться в области догадок. Мне лично версия официальной или полуофициальной «Договоренности» Ленина с германским империализмом представляется совершенно невероятной. Не правдоподобней ли предположить возможность реального получения денег через посредников типа Парвус-Ганецких? – возможность, которую так настойчиво отвергают большевистские мемуаристы: предположения были, но они с негодованием отбрасывались всегда? Тайна «золотого ключа» едва ли будет когда-либо вполне разгадана- ведь расписок при совершении своего «политического фокуса» Ленин, конечно, не давал. И, однако, в прожекторы документальных лучей, пробившихся все же в дни революции через окружающий мрак, можно уловить новые подтверждения гипотез о немецком золоте, сыгравшем фактически такую большую роль в направлении: русской трагедии. Еще много фантастики встретится впереди, но в ней повинны не только, как то утверждают большевики «продажные журналисты, дошедшие до геркулесовых столбов бесстыдной гнусности»

Эту фантастику породили в значительной степени они сами, никогда не имея смелости, несмотря на весь свой цинизм в политике, рассказать «день за днем своей жизни», как то обещал в публичном заседании петербургского Совета Раб. и Солд. Деп. в присутствии 1000 человек Троцкий (Заседание 9 сентября 17 г.). Только на словах, как мы увидим, они «каждый день готовы были «дать отчет в своих шагах», так как им

«нечего скрывать от русского народа».

III. Золотой ключ (1917 г.)

1. Пломбированный вагон

Пройдем мимо февральского переворота. История февральских дней не приоткроет крышки таинственного ларца с немецким золотом. Правда, русский посол в Швеции Неклюдов рассказал в своих воспоминаниях о знаменательной беседе, которую он имел в середине января 1917 г. в Стокгольме с болгарским посланником в Берлине Ризовым, пытавшимся нащупать у него почву для заключения сепаратного мира. Встретив холодный прием, Ризов предостерегающе предупредил своего собеседника: «через месяц или самое позднее через полтора, произойдут события, после которых уверен, что с русской стороны будут более склонны к разговорам». «Предсказания русской революции» озаглавила этот отрывок воспоминаний Неклюдова редакция «Архива Рус. Революции», из которого мы и заимствуем приведенные строки, (воспоминания вышли на английском языке). Таких предсказаний было немало накануне февральских событий – слишком очевидно было, что Россия каким – то роком влеклась к катастрофе. Трудно сказать, намекал ли Ризов на какой-нибудь определенный план извне или передавал только широко распространенную в России молву, отчасти связанную с туманными разговорами о дворцовом перевороте, который должен был произойти «перед Пасхой» – так, по крайней мере, записал почти в те же дни в своем дневнике петербургский посол Англии, оговорив, что сведения он получил из «серьезных источников».

Можно не сомневаться, что немецкая агентура должна была ловить рыбу в мутной воде, провоцировать всякого рода беспорядки и разжигать народные страсти в момент начавшейся смуты. И, конечно, не без основания ген. Алексеев в телеграмме главнокомандующим фронта 28 февраля писал, что «быть может, немцы проявили «довольно деятельное участие в подготовке мятежа». Подобная догадка, однако, чрезвычайно далека от того, чтобы признать февральскую революцию продуктом немецкого творчества, как склонны к тому некоторые из современников-мемуаристов. «Внутреннее» убеждение Гучкова, Родзянко и многих других, что из Германии к нам в заготовленном виде вывезены были даже документы образца довольно знаменитого «приказа № I», не принадлежит к числу серьезных исторических аргументов, заслуживающих рассмотрения по существу. Это аргумент почти того же порядка, что и сообщение, передаваемое в воспоминаниях небезызвестного инж. Бубликова, который в свое время был назначен Временным Комитетом

Гос. Думы комиссаром по железным дорогам и сыграл активную роль в дни революционной пертурбации, -ему компетентные люди в Стокгольме говорили, что последний министр внутренних дел царского режима Протопопов сговаривался немецким посланником в Швеции бар. Фон Люциусом об устройстве революции в России для заключения сепаратного мира с Германией

Историк пока не имеет в своем распоряжении почти никакого материала для того, чтобы конкретизировать даже те догадки, которые могут быть подчас признаками довольно обоснованными – напр., наличие какой-то тайной посторонней руки, направлявшей в определенное русло кронштадтские события первых дней революции и руководившей теми «подозрительными типами», о которых говорят многие очевидцы которые призывали к избиению офицеров, к погрому к захвату казенных денег («народного достояния»). Но что здесь от немцев и что от возможной полицейской провокации, видевшей в анархии разложение революционной стихии? Насколько осторожным приходится быть в этом отношении, показывает та ошибка, которая допущена, была в предфевральские дни лидером думской оппозиции Милюковым и которая не была исправлена им уже в качестве первого историка революции. Я имею в виду открытое письмо его, обращенное к петербургским рабочим и призывавшее воздержаться от участия в день возобновления сессии Государственной Думы 14-го февраля в демонстрации перед Таврическим Дворцом, провокационные призывы которые исходили из «самого темного источника». Недостаточно в то время осведомленный, как политический деятель, о характере рабочего движения, лидер думской оппозиции не разобрался в фактической стороне этого «самого темного момента в истории русской революции» – в действительности указанные призывы, хотя и анонимные, исходили от так называемой «Рабочей Группы», образовавшейся при Военно-Промышленных Комитетах, т. е. шли от соц.-демократических элементов, наиболее умеренных и «оборончески настроенных».

Расшифровывая уже позднейшие «догадки» историка, один из биографов Милюкова, вернее автор юбилейной статьи, пытавшийся изобразить только одну из «самых блистательных», но и «парадоксальных» страниц этой биографии (роль Милюкова при попытке сохранить монархию в дни февральского переворота) замечает: «Мысль его достаточно ясна: он подозревал, что таинственным источником, из которого шло руководство (курсив мой. С. М.) рабочим движением был германский генеральный штаб». Характерно, что записка Охранного

Отделения от 1-го февраля приписывала инициативу демонстрации 14 февраля главарям прогрессивного блока.

Если «германская деньги» и «сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту», то искать эти деньги, конечно, надо в среде деятелей той группы руководителей рабочего движения, которая «вместо хождения к Таврическому Дворцу с резолюцией в Думу» пропагандировала уличное выступление «под красным знаменем революции», чтобы «одним ударом снести Государственную Думу и царское самодержавие» (Шляпников). Но большевистские круги в России в те дни были еще невелики и неавторитетны, – очевидно, в их распоряжении и не было тогда каких-либо значительных денежных средств. Только революция, когда «пудовик» свалился с сердца ген. Людендорфа, тайно мечтавшего о смуте в России, изменила всю конъюнктуру, и по праву новую главу нашего повествования можно назвать «пломбированным вагоном» – слишком велико было значение этого акта в последующих судьбах страны.

В мою задачу не входит подробное повествование о тех обстоятельствах, которые сопровождали воззвание Ленина в Россию после февральского переворота. По чьей инициативе возникла среди русских эмигрантов, находившихся в Швейцарии, мысль о проезде через Германию? Большевики любят подчеркивать, что инициатива была Мартова, предложившего добиваться обмена политических эмигрантов на интернированных в России немцев, так как интернационалисты, внесенные в международные контрольные списки, пропускались, при «попустительстве» Временного Правительства, Францией и Англией. I

Исполнительный Комитет Совета Р. Д. в Петербурге получил от имени образовавшегося в Берне Эмигрантского Комитета через Копенгаген телеграмму, в которой заключалась угроза, что если проект обмена на интернированных немцев не будет осуществлен, то «старые борцы» сочтут себя в праве «искать других путей для того, чтобы прибыть в Россию и бороться... за дело международного социализма». Намек был ясен. Но все-таки это было будущее, которого выжидать ленинцы не намеревались, ибо полагали, что отсрочка «грозит причинить величайший вред русскому революционному движению». Когда прошло две недели и ответа из России, но было, «мы решились сами провести названный план» – так заявили в официальном коммюнике, напечатанном в «Известиях» («Как мы доехали»), представители прибывшей в Петербург 3 апреля первой группы эмигрантов из «запломбированного вагона» – их было 32 человека во главе с Лениным. «Другие эмигранты – замечало, коммюнике

– решили, подождать, считая еще недоказанным, что Временное Правительство так и не примет мер для пропуска всех эмигрантов».

Итак «решили сами провести названный план» то есть проект соглашения двух правительств о взаимном обмене заменить односторонним согласием Германии пропустить через свою территорию интернационалистов – формальных граждан воюющей державы. Предварительные переговоры о возможности соглашения при посредстве отчасти министра швейцарского правительства Гофмана повел один из руководителей Цимморвальда швейцарский с.-д. Гримм – тот самый, который позже появился в России, как посредник по сепаратному миру, и был выслан Временным Правительством. Ленин сообщил посреднику, что его «партия решила безоговорочно принять предложение (с чьей стороны?!) о проезде русских эмигрантов и тотчас организовать эту поездку». Численность этой «партии» была не очень велика – на первых порах Ленин насчитал «10 путешественников» (напечатано во II т. «Лен. Сборн.»). Другие отказались следовать прямолинейной линии большевиков: «меньшевики требуют санкции Исполн. Ком. С. Д.» – телеграфировал Ленин Ганецкому. По-видимому, при таких условиях Гримм уклонился от ведения переговоров, и на сцене появился другой швейцарский интернационалист Фриц Платтен, в руки которого перешло все «дело». Платтен – продолжает цитированное коммюнике – «заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии, главные пункты которого сводились к следующему: 1) «едут все эмигранты без различия взглядов на войну, 2) вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности... 3) едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германцев, интернированных в Россию».

Такова суть официальной версии, данной большевиками. Ее надо облечь в соответствующую плоть и кровь. Немецкие источники склонны «поездку Ленина превратить в «посылку» Ленина, как выразился ген. Людендорф в своих воспоминаниях: «Наше правительство, пославшее Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала» Вслед за Людендорфом более определенно высказался ген. Гофман: «Разложение, внесенное в русскую армию революцией, мы естественно стремились усилить средствами пропаганды. В тылу кому то, поддержавшему сношения с жившими в Швейцарии в ссылке русскими, пришла в голову мысль использовать некоторых из этих русских, чтобы еще скорее уничтожить дух русской армии и отравить ее ядом». Через

депутата Эрцбергера он сделал соответственное предложение мин. ин, дел.... Так осуществилась перевозка Ленина через Германию в Петербург!

Реальные политики в Германии, конечно, довольно отчетливо представляли себе в то время, что одной красивой словесностью о братстве народов в жестокое время войны действовать нельзя. Немецкая демократия приветствовала русскую революцию. В перспективе рисовался мир, ибо теперь борьба будет идти, – писал «Vorvaerts», – не с царизмом, а с союзом демократических народов». «Пальмовую ветвь» соц. демократии не отбрасывал и государственный канцлер, говоривший в рейхстаге: «Мы не хотим ничего другого как скорейшего заключения мира... на основе одинаково почетной для обеих сторон.... Мы увидим, желает ли русский народ мира... Мы будем следить за событиями хладнокровно с готовым для удара кулаком» (цитирую по тексту Суханова). Едва ли немцы «трепетали» в первый месяц после переворота в уверенности, что революция в России «развяжет и сорганизует народные силы для победоносного окончания войны»; более вероятно, что в Германии правящие круги скорее разделяли дореволюционную схему первого министра иностранных дел Временного Правительства, говорившего с кафедры Государственной Думы еще в марте 16 г. о том, что «революция в России непременно приведет... к поражению». В этом смысле они и готовы были содействовать революции во вражеском лагере и тем более воспользоваться «временным замешательством» в жизни страны, чтобы «сломить сопротивление» (слова из воззвания Временного Правительства 9 марта). Отсюда логически вытекало сочувствие немецких военных сфер деятельности русских циммервальдцев. Германское правительство имело полное основание надеяться, что «крайние социалистические фантазеры» усилят в России хаос и что вследствие этого Россия будет вынуждена заключить мир. Людендорф, однако, считал необходимым подчеркнуть, что инициатива сущности исходила от рейхсканцлера и что высшее командование не было будто бы запрошено по этому поводу. Из полемики, возникшей в 1921 г. между Людендорфом и Брокдорф-Ранцау по поводу статьи первого, появившейся в «Militar Wochenblatt» в связи с разоблачениями Бернштейна, было названо и имя того, попал на счастливую идею «прогнать дьявола при помощи черта» и подорвать русскую революцию посредством анархии – это опять неизменный Парвус-Министр иностранных дел германской республики не возражал против таких утверждений, он протестовал лишь против приписываемой ему «подготовки переворота» в бытность его послом в Копенгагене. Непосредственное участие Парвуса в подготовке ленинской поездки

подчеркивал Керенскому и Эд. Бернштейн (статья Керенского в «Новой России» 37 г.): мысль внушенная Парвусом копенгагенскому послу, нашла поддержку в министерстве иностранных дел у бар. фон Мальцана и у деп. Эрцбергера, стоявшего во главе военной германской пропаганды. Они убедили канцлера Бетман-Гольвега, и канцлер предложил Ставке осуществить «гениальный маневр», предложенный Парвусом (может быть, не без участия начальника разведывательного отдела при главной квартире полк. Николаи)... Парвусу «гениальный маневр» мог быть подсказан и самим Лениным через Ганецкого или обратно через того же Ганецкого сообщен Ленину. В конце концов, довольно безразлично, откуда исходила инициатива отдельного звена двухстороннего плана.

«Полупризнания» немецких генералов, по выражению Керенского, пожалуй, сами по себе еще ничего не говорят об «измене» Ленина, т. е. не служат подтверждением формального соглашения между двумя сторонами. По мнению Троцкого, все дело сводилось к «стратегии», из двух стратегов: Людендорфа, разрешившего Ленину проехать, и Ленина, принявшего это разрешение, Ленин видел «лучше и дальше». Мы только что видели, как приблизительно повествует немецкая сторона.

Посмотрим, как официально смотрел на дело сам Ленин. 17-го марта он писал «дорогому товарищу» Ганецкому, что «приказчики англо-французского империалистического капитала и русского империализма Милюкова и Ко. способны пойти на все – на обман, предательство -на все, на все, чтобы помешать. Интернационалистам вернуться в Россию». Надо осуществлять как будто бы план Мартова: «Единственная без преувеличенная надежда для нас попасть в Россию, это – послать, как можно скорее, надежного человека в Россию, чтобы путем давления Совета Р. и С. Д. добиться от правительства обмена всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных». Но как убедить немцев? Ленин очень принципиален»: использовать услуги людей, имеющих касательство к изданию «Колокола», я, конечно, не могу» -писал Ленин Ганецкому. Несколько, пожалуй, наивно было писать так лицу, можно сказать прилепившемуся к издателю «Die Glocke» – пусть даже по внешности только к коммерческим аферам Парвуса. Это, конечно, тактическое предупреждение. По другому рассматривать невозможно. Письмо Ленина предполагалось переслать в Россию партийным товарищам, которых надо было убедить, что единственная возможность прибыть в Россию – через Германию, и что ничего зазорного в этом не будет: интернационалисты сохраняют чистоту риз и ни к какому сомнительному посредничеству не обратятся.

Петербургским ленинцам, отошедшим в значительной своей части в первые дни революции (особенно с момента прибытия из ссылки Каменева) от заветов учителя и подвергшимся влиянию общего психоза первых дней революции, казалось, что Ленину удастся пробраться менее экстравагантным путем. «Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение» – телеграфирует Шляпников Ганецкому.

На другой день после отправления телеграммы появилась «тревога за благополучный исход поездки» – ведь приказчики англо-французского империалистического капитала способны «на все... на все, на все». Шляпников вновь телеграфирует: «не форсируйте приезда Владимира. Избегайте риска». Между Петербургом и Стокгольмом завязываются оживленные сношения, о чем Шляпников рассказывает в своей книге – воспоминаниях «Семнадцатый год». 10–11 марта выехал специальный курьер – способная на «конспирацию» Стецкевич. Ей управляющий делами военного округа подполк. ген. штаба Гельбих помимо градоначальства в «несколько минут» добывает разрешение на выезд за границу и провоз «имущества партии».

Курьер повез письма Ленину и «специальное устное поручение требовать скорейшего его приезда в Россию». Стецкевич благополучно вернулась 20-го из Стокгольма, привезла письма Леина и: «целый ряд предложений и проектов переправки» Ленина от Ганецкого. Каковы были эти проекты Шляпников не говорит.... Ганецкий сумел использовать для переписки и министерство того самого злобного «приказчика» империалистов, от которого Ленин ждал всяких напастей. Он использовал посольскую почту – и через миссию отправлял в министерство иностранных дел запечатанные пакеты, которые миссия не осматривала и которые, как

Надеялся Ганецкий, петербургские товарищи будут получать «нераспечатанными вероятно: о, господа эти будут еще стесняться» Ганецкий просил непременно «подтвердить» телеграфно «всё таки осторожно» получение пакетов... В одном из писем, приводимых Шляпниковым (24-го), Ганецкий считал, что проект «Ильича» «провести нельзя». «Во всяком случае не предпринимайте пока никаких шагов, покуда не получите от меня телеграммы. Лишь только окажется, что он иначе проехать не может....я дам телеграмму... Тогда вы поймете, что Исп. Комитету Совета Р. С. Д. надо действовать во всю для всех швейцарских эмигрантов по плану Ильича». Петербургские товарищи уже настроились на определённый лад, и бюро ЦК «полностью» одобрило план

возвращения па родину через Германию, хотя и учитывало, что этот проезд будет «использован всеми шовинистами, но другого пути не видно. Вновь посылается Стецкевич. Ради «спешности» и «конспирации» от «меньшевиков» ее посылали только с рекомендательными письмами одного Шляпникова к комендантам Белоострова и Торнео. Рекомендация оказалась недостаточной, и в Торнео Стецкевич обыскали, но все-таки через границу пропустили. Курьеру был дан приказ: «Ленин должен приехать, каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным». С курьером было послано и «немного денег».

Несколько неожиданно в статье Керенского «Парвус – Ленин – Ганецкий», напечатанной в № 37 «Новой России», можно было встретить указание на то, что Гулькевич (посол) пересылал из Стокгольма пакеты Ганецкого потому, что «действовал согласно инструкциям из Петрограда». Конечно, это совершенно невероятно для марта месяца и для ведомства, руководимого тогда Милюковым. Остается предположить, что Ганецкий и впредь, уже при Терещенко, продолжал через посредство министерства иностранных дел снабжать ленинцев в Петербурге «запечатанными» пакетами, которые как то стали контролироваться с определенного момента. Не очень то верится этому,

Так обрабатывалось постепенно партийное мнение в России. Первоначально остроумная идея проезда через Германию нам как то не приходила в голову «откровенно признает Раскольников. Вероятно, получив фактически апробацию от членов партии, участвовавших в Исполнительном Комитете; Совета Р. и С. Д., Ленин и пошел сепаратным путем... На этом сепаратном пути едва ли «услужливый Платтен, доставивший в Россию Ленина» (выражение Плеханова) сыграл значительную роль – едва ли он «исхлопотал» Ленину «право проезда через Германию как сообщала телеграмма, предусмотрительно посланная в газеты из Стокгольма 2-го апреля. Керенский справедливо назвал эти переговоры «бутафорскими». Даже если отказаться от предположения закулисной договоренности между Лениным и Парвусом, то надо признать, что «исхлопотать» согласие Германии ничего не стоило – она без больших колебаний приняла чье-то предложение, если его не сделала сама. Один из участников всех этих предварительных переговоров в Швейцарии, депутат германского рейхстага, с. д. Пауль Леви, циммервальдец и эмигрант-спартаковец позднее коммунист, вышедший в 1921 г. из состава партии, рассказал в Берлине в одном интимном обществе в присутствии Б. И. Элькина детали о поездке Ленина в Россию в

1917 г. Элькин, как указывает его статья «История plombированного вагона» («Посл. Нов марта 30 г.), «на другой день». занес рассказ Леви в свою записную книжку. Вот в основных чертах содержание этого рассказа, как передан он Элькин.

«Вскоре после получения в Швейцарии» подробных сведений о нем революции» в России Пауль Леви отправился с Радеком из Цюриха в Берн, чтобы повидаться с Лениным и поговорить с ним о событиях в России о его, Ленина, планах. Ленин сказал им, что хочет ехать в Россию. Но не знает, как это сделать. У него был план проехать через Германию с чужим паспортом под видом слепого. Леви разъяснил ему, что это грозит расстрелом. В разговоре; был возбужден вопрос о возможности официального пропуска через Германию, и Леви условился с Лениным, что он, Леви, попытается выяснить, не согласится ли германское правительство пропустить через Германию Ленина и его друзей. Леви обратился к бернскому корреспонденту «Франкфурте? Цайтунг» с просьбой поговорить с германским посланником. Журналист обещал поговорить, и сообщил затем Леви ответ посланника: он немедленно снесется с Берлином. На другой день вечером Пауль Леви находился в Народном Доме. Его позвали к телефону. У телефона оказался германский посланник. Он сказал ему, что ищет его по всему городу. Ему необходимо знать, где можно в ближайшие часы найти Ленина: дело в том, что он, посланник, с минуты на минуту, ждет по телефону окончательных инструкций по его делу. Леви был поражен, дело Ленина не терпит отлагательства даже на завтра? его, Леви, эмигранта, спартаковца, «ищет по всему городу» посланник германской империи, обращается к его помощи? и все это – чтобы оказать услугу Ленину?...у

Уже по выражению голоса говорившая с ним посланника Пауль Леви видел, как важно было это дело для германского правительства...Леви разыскал Ленина и передал ему слова посланника. Ленин тотчас же лихорадочно принялся за составление целого перечня условий перевозки. Он ставил условия – «и они принимались». В рассказе Леви Платтен даже не фигурирует и этим самым роль его сводится в дальнейшем, по меньшей мере, к формальному посредничеству. Действует активно сам Ленин. Конечно, это только рассказ, (храненный для нас по записи слушателя – рассказ не авторизованный. Как таковой, мы и должны его принимать. Есть в нем штрих, который нельзя не отметить. Один из присутствующих, скрытый в рассказе Элькина под псевдонимом Г., человек, пользовавшийся авторитетом и имевший большие связи, утверждал, что ему определенно известно, что как раз в это время у Ленина появились

большие деньги...

«30» эмигрантов из «пломбированного вагона; проходившего немецкую зону, усиленно подчеркивали в интервью, данном корреспонденту П. Т. А. и напечатанном 2 апреля в стокгольмской «Политикен», что их сопровождал через всю территорию Германии «секретарь швейцарской с.-д. партии, вождь левого крыла и известный антимилитарист Платтен», что немецкие власти «точно выполнили принцип экстерриториальности» – не было «никакого контроля паспортов и багажа» (какое это могло иметь значение). и что «ни один из чиновников не имел права входить в вагон» – переговоры с представителями германской власти, сопровождавшими поезд (три германских офицера), вел Платтен. Эмигранты «запломбированного вагона» не вели «никаких переговоров о мире с германскими социалистами.

Правда, попытался в вагон проникнуть от имени профсоюзов «главная сводня» при Парвусе Янсен но был с негодованием отвергнут, – утверждает нелегально проскользнувшая через Германию в пломбированном вагоне «польская овечка из габсбургского стада», как сам себя называет К. Радек. Он написал также воспоминания о поездке 17 года – более интересные по своему заголовку: «О том, как большевистская бацилла была открыта немцами, и как она была переброшена ген. Людendorфом в Россию» («Правда» X1.21).

В Стокгольме собралось довольно разнообразное и именитое интернационалистическое общество к моменту приезда Ленина. Оказались в Стокгольме и Адлер, и Шейдеман и, конечно, Парвус. Их «таинственная миссия», связанная с пробным шаром, одновременно пущенным австрийской дипломатией, вытекала, как было указано, из убеждения, что «события в России должны неминуемо приблизить «момент заключения мира». Об этом специально говорил Шейдеман в интервью с сотрудником венской «Neue Freie Presse» По словам Парвуса в брошюре «Правда глаза колет». Стокгольм 1918), он хотел повидаться с проезжающим Лениным, но тот отказался от личной встречи и, по-видимому, ограничил свои свидания сношениями с «товарищами» из левого крыла шведской партии. Через «приятеля» (пожалуй, нетрудно догадаться, что этим приятелем был Ганецкий, с которым Парвус, как утверждает он в брошюре, имел лишь денежные отношения по коммерческой части) Парвус тем не менее передал Ленину, что необходимо начать «мирные переговоры». На это будто бы Ленин просил передать, что он «не занимается дипломатией, его дело – социал-революционная агитация». «Пусть агитирует,» – ответил Парвус: «он станет орудием в

моих руках»... В донесениях русского и великобританского послов в Стокгольме позиция Ленина, на основании местной информации (нашедшей, кстати сказать, отклик и в «Vorvaerts», определялась несколько по иному: Ленин заявил, что «он уверен, что через две приблизительно недели будет в состоянии вернуться в Стокгольм во главе русской мирной делегации. («Дипломатия» Врем. Прав.» – Кр. Арх. т. XX).

Так был переброшен в Россию «груз необычайной взрывчатой силы», по выражению Троцкого. Ленинцы предусмотрительно озаботились обставить свой переезд так, чтобы во внешнем мире не представиться «орудием» в руках социал-шовинистов Германии. В историческом аспекте эта усиленная забота к установлению политического алиби вызывает скорее противоположное впечатление. Таков довольно элементарный психологический закон – преступник почти всегда пытается заранее создать себе искусственное алиби. Им в Швейцарии озабочен был Зиновьев, который писал 22 марта в Женеву: «Дорогие друзья. Дела идут хорошо... осуществляется план, который знает товарищ Минин. Платтен берет на себя все... необходимо, чтобы перед отъездом был составлен подробный протокол обо всём. Для подписи будут приглашены Платтен, Леви, представитель печати (от «Бернер Тагевахт»)... Было очень желательно, чтобы участие приняли французы. Зиновьеву представляется «крайне важным» («переговорите немедленно с Гильбо») привлечь для подписи имя Ромэн-Роллана. Кускова, первая процитировавшая письмо Зиновьева в зарубежной печати, недоуменно замечала: «если поездка эта не представляла из себя ничего предосудительного, зачем такое волнение? Зачем протокол, имена французов (курсивом)? Протокол был составлен и опубликован в Берне после отбытия «запломбированного вагона». Интернационалисты Германии, Франции, Швейцарии, Швеции, Норвегии и Польши заявили, что «они отдадут себе отчет в том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движении против войны. Подписали «протокол» (Леви, Гилбо, Платтен и др.) свидетельствовали, что «русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империалистов и в особенности против германских, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции. Этим сим действием они помогают пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии начать свою борьбу против своего правительства»... Интернационалисты Франции, Швейцарии и т.д. находили, что «русские товарищи не только в праве, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию».

Зачем, в самом деле, Ленину нужен был этот иностранный паспорт и свидетельство о революционной благонадежности? По приезде в Россию и заседании Ком. Совета Р. Д. 4 апреля, на котором обсуждался доклад Зурабова о пропуске политических эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев» или военнопленных, Ленин» и Зиновьев настаивали на принятии резолюции, одобряющей такой обмен. Им возражали меньшевики Церетелли и Богданов, полагавшие, что подобная резолюция может быть истолкована буржуазной печатью против Исп. Ком. Могут пойти толки, что Германия транспортирует в своих целях в Россию революционеров и что позиция Ленина будет связана с позицией И. К. Богданов предлагал, осудив политику французского и английского правительств и оказав давление на русское правительство, чтобы добиться пропуска швейцарских эмигрантов через Англию и Францию, осудить в то же время тех русских эмигрантов, которые «самочинно проезжали через Германию». Решение было вынесено неопределённое – не выносить, пока резолюции, касающейся проезда через Германию, и поместить в газетах фактический материал. «Вся гнусность позиции Церетелли и Богданова, не желавших одобрить проезд наших товарищей через Германию – заключает Шляпников -записана в протоколах с достаточной полнотой».

Большевиков постановление И. К. в действительности тогда «вполне удовлетворило». Вероятно потому, что проезд в «пломбированном вагоне» в те дни вовсе не вызвал широкого общественного негодования – может быть, только «покорбило». «Злой вой» патриотов России, которого ждала Крупская, в ответственных общественных кругах оказался довольно слабым. Опасения Ленина, что дело может дойти до политического процесса, что его «прямо повезут в Петропавловку совершенно не оправдались. Правда, министра иностранных дел со всех сторон предупреждали, что из Швейцарии Германия готовится «ввезти в Россию шпионов и агентов провокаторов» в целях пропаганды скорейшего мира среди рабочего класса и солдат на фронте (телеграмма Бальфура Бьюкенену 23 марта). То же приблизительно сообщалось 1 апреля из Соединённых Штатов, где возвращение социалистов, которые «должны противодействовать правительству и вести пропаганду за мир» финансируемому из посторонних источников и «возможно Германией (специально подчеркивалось, что «Троцкий находится в связи с вожаками этого движения»). Указания были более определенные: так русский поверенный в делах в Берне Ону на основании данных, полученных от английского посланника, телеграфировал в Петербург 19 марта, что «среди русских крайне левых кругов Цюрихе многие лица поддерживают

непосредственно связи с Германией, а некоторые просто являются тайными немецкими комиссарами». На запрос великобританского посла, что министр иностранных дел намеревается «противопоставить этой опасности», Милюков ответил, что «единственно, что можно предпринять это опубликование их имен и сообщение, что они едут через Германию... это будет достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию». Министр революционного правительства глубоко ошибся, и через несколько дней ему вообще пришлось спасовать и «настоятельно просить» своих дипломатических представителей в Лондоне и Париже «по соображениям внутренней политики» не проводить «различия между политическими эмигрантами пацифистами и нео-пацифистами» и сообщать об этом великобританскому и французскому правительству.

При таком обнаружившемся бессилии правительства, прибывший через Германию Ленин мог уже с большой уверенностью повторить в Петербурге слова, сказанная им в Стокгольме (по крайней мере, они были приписаны ему): «над Чхеидзе он легко возьмет верх». Чхеидзе и Скобелев от имени Исп. Ком. формально приветствовали германского «путешественника» (надо сказать довольно холодно) при торжественной встрече искусно инсценированной ему единомышленниками на финляндском вокзале. Если первое же слово Ленина в свободной России, произнесенное в царских комнатах на вокзале и закончившееся призывом к остальной революции, смутило его приверженцев; если на другой день на объединенном собрании социал-демократов речь кандидата на пустовавший 30 лет трон анархиста Бакунина», которая призывала сбросить «старое белье» прогнившей социал-демократии, заменить его коммунистическим одеянием и избавить страну от войны, встречались свистом и шумом значительной части собравшихся если речь эта казалась «бредом сумашедшего» и «галиматьей», если меньшевистская «Рабочая Газета» сочла своим долгом предупредить о той «опасности с левого фланга», которая появилась с момента приезда Ленина, то совершенно неожиданным и странным оказался реальный отклик на приезд Ленина в официозе «злонамеренного» министра иностранных Дел. Вернее сказать двойственности позиции министра иностранных дел. Бьюкенен приводит яркий пример с пропуском Троцкого и других политических эмигрантов, задержанных английскими властями в Галифаксе-«до решения Временного Правительства». Милюков 8 апреля (н.с.) просил разрешить дальнейший проезд, а через два дня просьбу свою взял назад. Ответственность за задержку – замечает Бьюкенен – лежала исключительно на Временном Правительстве: «мы ни разу не отказывали

поставить, визу на русские паспорта». Это не мешало министру иностранных дел несколько раз опровергать сведения о том, что правительство чинит препятствия для возвращения эмигрантов (напр., на собрании партии к.-д. в Москве 9 апреля).

«Речь» чуть ли не готова была признать фактором положительным выступление на арене борьбы наряду с Плехановым такого «общепризнанного главы социалистических партий», каким являлся Ленин... О plombированном вагоне» как-то все забыли. И, быть может, один только Плеханов заговорил о чести в связи с почти одновременным сообщением о гибели на английском пароходе потопленном германской подводной лодкой, эмигранта- латыша Янсона и шлиссельбуржца Карповича говорят – писал Плеханов в «Единстве» 7 апреля что, узнав о гибели русских эмигрантов, Вера Фигнер сказала: «теперь нашим изгнанникам есть только два пути для возвращения в Россию – через Германию или через смерть». Карпович и Янсон попытались проникнуть через смерть. Иначе и поступить не могли эти люди чести». Иное впечатление на первых порах получилось за границей; телеграфное сообщение из Парижа передавало, что «неблаговидный поступок» Ленина вызвал в эмигрантских «оборонческих» кругах (группы Призыва) «неописуемое негодование» – очевидно, тем вернее оценивалась подоплека и роковое значение plombированного вагона».

Но безразличие, проявленное общественностью Петербурга к «ошибочному» шагу первой партии эмигрантов, прибывших по немецкому маршруту, сыграла свою роль. Суханов совершенно прав, когда утверждает в «Записках», что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в сущности молчаливо покрывал своим авторитетом «запломбированный вагон» – бернские оппозиционеры во главе с Мартовым сочли для себя теперь нравственно возможным пойти по проторенному Лениным пути для того, чтобы противодействовать «заговору либеральной» контрреволюции и осуществить свое «священное право» в решительный момент быть «в революционных рядах». За ними потекли и другие, хотя в Берне уже получилась запоздавшая телеграмма мин. иностр. дел, уведомлявшая эмигрантский комитет, что правительство считает невозможным «проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан» и что им приняты все меры к пропуску через союзнические страны эмигрантов «без различия политических взглядов». Приезд новых эмигрантов вызывал лишь повторные «гримасы», но выражению Суханова. Бюро Исп. Ком. вновь официально приветствовало и Мартова, и Аксельрода и других интернационалистов, проехавших через

Германию. Один Плеханов в «Единстве» 16 мая напечатал «вынужденное заявление» по поводу того, что в редакцию заходят эмигранты, вернувшиеся на родину через Германию: «пусть извинят меня эти товарищи, но я откровенно говорю, что встреча с ними является для меня нравственно невозможной»

«На одного «большевика» немцы перевозили 8 антибольшевиков, нужно очень презирать этих последних чтобы не считать такой пропорции достаточно гарантирующей от отравления «революции» большевистским ядом». Рассуждения Покровского довольно беспочвенные, ибо надо было бы быть слишком наивным, для того чтобы пропускать через Германию только своих «агентов». Недаром и сам Ленин заботился о том, чтобы первые десять «путешественником» не оказались слишком изолированы. Но «бомба с ядовитыми газами», как назвал ген. Гофман ленинскую посадку (Троцкий и здесь не оригинален в своих острых словечках!), была сильна не своей начинкой из утопического «брёда» ленинцев пытавшихся лозунги борьбы за мир превратить в «пролетарскую революцию», не количеством этих пущенных в Россию агитаторов, а прослойкой из золотого металла, в виде немецких денег. От них зависела и сила взрыва, который должна была произвести бомба. Этот взрывчатый груз в значительной степени был ввезен на пожертвования, собранные передовой русской общественностью, и на средства, отпущенные революционным Правительством. Такова была гримаса кривое зеркала истории.

Еще не утвердившись в петербургской цитадели большевиков – в столь прославленном особняке Кшесинской, Ленин незамедлительно повел свою максималистическую агитацию – и против войны и за социальную революцию. В первые дни он был, одним настолько изолирован в рядах даже собственной партии, что, по словам Колонтай, создалась частушка: «что там Ленин не болтай, с ним согласна только Колонтай». Безоговорочное осуждение антивоенных лозунгов новоявленного борца из «пломбированного вагона резче всего раздалась в ответственных кругах Сов. Солдатских Депутатов. Считая дезорганизаторскую пропаганду ленинцев, прикрывающуюся «революционным, даже соц.-дем. флагом, не менее «вредной всякой иной контрреволюционной пропаганды справа, она требовала от Исполнительного Комитета решительных мер противодействия и организации «планомерной контр агитации в печати и особенно в воинских частях». Резолюция 16-го апреля, правда оговаривала «невозможность принимать репрессивные меры против пропаганды, пока она остается лишь пропагандой». Другого постановления орган

революционной демократии, пожалуй, и не мог вынести, но как реагировал орган власти? – в его распоряжении уже были данные о том специфическом пацифизме, который оплетал интернационалистическую миссию прибывших из за границы эмигрантов-пораженцев: по крайней мере Платтен, сопровождавший по территории Германии «пломбированный вагон», но был пропущен в Россию по «тем мотивам, что оказал дружескую услугу враждебному правительству.

Временное Правительство отнеслось, в сущности, довольно безразлично к тому, что происходило. Своеобразное объяснение этому безразличию дал в своих воспоминаниях бывший управляющий делами правительства. По словам Набокова, министр иностр. дел «не проявил решительного ультимативного противодействия пропуская в пределы России пассажиров знаменитого «запломбированного вагона», потому что не знал, какую благоприятную почву найдут в русской армии те ядовитые (семена, которые с первых же дней столь открыто в ней сеют безответственные агитаторы)». «Надо сказать, – продолжает мемуарист, – что по отношению к этим пассажирам у Вр. Правительства были самая глубокая иллюзия. Думали, что уже сам по себе факт «импорта» Ленина и Ко германцами, должен будет абсолютно дискредитировать их в глазах общественного мнения и воспрепятствовать какому бы то ни было успеху их пропаганды». Этому самовнушению содействовали отчасти и представители Совета, высказывавшиеся в таком же духе в контактной комиссии при Правительстве. Суханов вспоминает как еще 4-го апреля Скобелев, повествуя о «бредовых идеях» Ленина, назвал последнего «совершенно отпетым человеком, стоящим вне движения». Суханов присоединялся к подобной оценке и успокаивал, в свою очередь, членов Правительства, указывая на то, что Ленин «в настоящем его виде до такой степени ни для кого не приемлем, что сейчас он совершенно не опасен».

Милюков-историк не согласен с таким определением его тогдашнего предвидения. Лишь противники Ленина «из среды умеренных социалистов и некоторые более наивные радикалы торжествовали: теперь «и по их убеждению», Ленин должен был разоблачить себя и остаться одиноким в собственной среде». В действительности начинался «новый решающий период русской революции.» Так написано в тексте книги «Россия на переломе», вышедшей в 1927 г. Однако, но только Набоков, но и другие современники утверждают, что и министр иностр. дел в те дни далеко не чужд был общей наивной веры. Так, например, французский посол Палеолог занес в своем «дневнике 5 апреля не совсем точную информацию: «Сегодня утром Милюков сказал мне с сияющим видом:

вчера Ленин совершенно провалился перед Советами. Он дошел до такой крайности, с такой наглостью и неловкостью отстаивал тезис Мира, что свистом его принудили замолчать и удалиться... От этого он не оправится». – «Дай Бог!, -ответил я ему на русский лад. Боюсь, как бы Милюков еще раз не был наказан (во французском тексте *dupre*)за свой оптимизм)....

Тут вносит поправку уже Милюков-мемуарист («Мои объяснения» в «П. Н. № 4104). Хотя поправка эта относится непосредственно к более ранним словам английского посланника Бьюкенена, она, конечно, может быть отнесена и к записи Палеолога. Бьюкенен жаловался в письме в Foreign Office, уже выше цитированном, на бездеятельность Врем. Правительства в борьбе с дезорганизацией армии и на слабость, проявляемую Министром ин. Дел говорившим ему, Бьюкенену, что «ничего нельзя сделать» кроме того, как ответить на пропаганду на фронте контрпропагандой. «Среди своих коллег, – пишет Милюков, – я, конечно говорил другое, по понятно, что иностранного министра я не хотел посвящать в нишу внутреннюю борьбу».

Что говорил своим коллегам Мин. ин. дел, мы точно не знаем. «Я не помню, – замечает управляющий делами Правительства, – чтобы Милюков ставил ребром, какие-нибудь вопросы внутренней политики, чтобы он требовал каких-нибудь решительных мер». «Я хорошо помню, – добавляет Набоков, – что Милюков неоднократно возбуждал вопрос о необходимости более твердой и решительной борьбы с растущей анархией. Это же делали и другие. Но я не помню, чтобы были предложены когда-нибудь какие-нибудь определенные практические меры, чтобы они обсуждались Врем. Правительством». Несколько неожиданно как раз от иностранного дипломата, которого русский министр не считал возможным посвящать во «внутреннюю борьбу», мы узнаем, что Правительство будто бы только ожидало подходящего психологического момента для ареста «общепризнанного главы» русских социалистов. Так говорил Милюков по записям Бьюкенена. Если это соответствует действительности, то Правительство, во всяком случае, пропустило подходящий психологический момент.

В то время общественные низы столицы оказались менее толерантными, чем верхи, в оценке условий, в которых зародилась и протекала «бестактная» поездка признанного главы русских социалистов в период военных действий по территории неприятельской страны. Но еще более смутила нежданная и в дни неограниченной свободы открытая пораженческая проповедь. Враждебность, с которой эта пропаганда была

встречена на первых порах в массе, не подлежит сомнению. Достаточно просмотреть соответствующие страницы повествования «Хроники февральской Революции (Заславского и Конторовича), где в изобилии зарегистрированы из повседневной печати факты такого порядка. Их легко пополнить впечатлениями мемуаристов. Почти всё они солидарны (не исключая и мемуаристов большевистского лагеря – Залежский, Раскольников) в характеристике настроений, господствовавших на случайных уличных сборищах, на народных митингах, в солдатских казармах и отчасти в рабочей среде, после появления на арене развертывающейся революции ленинских сателлитов или «ораторов из чеховской палаты № 6, как их окрестило тогдашнее острословие, зафиксированное Плехановым. Подвойский должен был впоследствии признать, что две недели ушло у большевиков на интенсивную борьбу с «гнусной клеветой», подхваченной мещанской обывательской толпой, которая всегда склонна легко воспринимать сенсации «уличной прессы». Печать улицы сыграла, конечно, свою роль. Но не её «ядовитая травля» вызвала патриотические настроения масс – то был здоровый инстинкт самопроизвольного внутреннего протеста. Суханов, присутствовавший среди немногих «добровольцев» на встрече Ленина и интересовавшийся непосредственным впечатлением солдат, которые участвовали «по наряду» в помпезной уличной процессии мог услышать в толпе не совсем приятные для организаторов речи – беспардонная проповедь вызвала и соответствующий отклик «Вот такого то бы за это на штыки поднять»

И внушительная картина, изображающая Ленина ораторствующим на броневике, который 3-го апреля медленно полз по улицам столицы от финляндского вокзала к особняку знаменитой балерины, превращается в какие-то внешним театральные декорации, позаимствованные из старого потемкинского архива XVIII в века. На следующий уже день матросы 2-го Балтийского Экипажа, бывшие в почетном карауле на финляндском вокзале вынесли постановление, в котором выражали сожаление, что они не знали, каким путем Ленин вернулся в Россию, иначе вместо криков «ура последний услышал бы негодующие возгласы: «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал». А матросы в Гельсинфорсе сбрасывают большевистских ораторов в воду и обсуждают вопрос о способах ареста Ленина. Тот же вопрос в конкретной форме ставится и в Волынском полку. В Московском полку собираются громить помещение «Правды». На тысячном митинга солдат Преображенского полка создаётся такое обостренное настроение что плехановцу Дейчу приходится брать Ленина даже под свою защиту, ряд солдатских митингов с шумным

протестом против Ленина и Ко требуют от правительства расследования условий возвращения политических эмигрантов через Германию. На улице, «на каждом шагу» слышались требование ареста Ленина. Столичные жители могли видеть враждебную демонстрацию. К площади перед ленинской цитаделью, организованную 12-го апреля союзом учащихся средней школы тем самым «революционным» союзом, принимая представителей которого за неделю перед там председатель Совета Чхеидзе говорил: «Правительство наше не демократическое, а буржуазное. Следите же зорко за его деятельностью». Можно было присутствовать в те дни на действительно жуткой манифестации инвалидов (16 апреля), в которой приняли участие офицеры и солдаты из всех почти госпиталей Петербурга, и которая в сопровождении длинной вереницы экипажей с калек на костылях, с плакатами «Ленина и Ко – обратно в Германию» направлялась к таврическому Дворцу для того, чтобы предъявить Требование «парализовать деятельность Ленина всеми доступными средствами». Инвалиды не давали говорить Скобелеву, Церетелли, Гвоздеву и др., пытавшимся защищать право свободной агитации. В провинции, где в Советах на первых порах большевики играли незначительную роль и где в марте почти повсеместно принимались «оборонческие формулы», дело доходило до конфискации «Правды» по постановлениям местных исполнительных Комитетов и до угроз арестовать Ленина если он придет...

Набоков объясняет пассивность Правительства отчасти его «идеологией»-правительство было связано своей «декларацией о свободе слова», отчасти сознанием своего бессилия – оно «не могло действовать иначе, не рискуя остаться в полном одиночестве». С последним утверждением едва ли можно согласиться-факты как будто бы противоречат такому выводу. Но так или иначе разлагающая проповедь Ленина не была пресечена решительными мерами, и в таких условиях крайняя демагогия неизбежно должна была собрать, в конце концов, богатую жатву. Ленин сумел привычной «мертвой хваткой» повести партию за собой; сумел до некоторой степени и приспособиться к создавшейся конкретной обстановке, несколько завуалировав до времени свою грубо упрощенную схему окончания империалистической войны и социальной ненависти; большевики не предполагали уже «втыкать штыки в землю». Этим парализовывалась отчасти «травля» улицы, которой испугалась и революционная демократия, как бы маятник общественного возбуждения не слишком далеко качнулся в противоположную сторону. «Планомерная борьба» с ленинцами, которой требовала солдатская секция

Совета в революции 16-го апреля, поэтому не получила надлежащей интенсивной формы... – советские «Известия» скорее выступили на защиту Ленина. Настроение масс изменчиво. Через три недели, прошедших со дня приезда Ленина в Петербург, оказалась реально осуществимом вооруженная демонстрация, приведшая к первому правительственному кризису. Большевики сумели вывести на улицу два полка. Неоспоримо – это мы увидим ниже – рука немецкой агентуры не бездействовала в обострении того конфликта, который создавался на почве несоответствия слишком прямолинейной и самоуверенной внешней политики «цензовой общественности», по революционной терминологии того времени, с настроениями, главенствовавшими в среде демократии – и не только «советской». Надо признать, что этот конфликт лил воду только на мельницу антивоенной пропаганды ленинцев, щупальцами спрута охватывающей постепенно страну. Для такой пропаганды, печатной и устной, большевистская партия в 1917 г. должна была располагать очень значительными деньгами. 15-го апреля появилась «Солдатская Правда». Роль ее так определял на польском съезде большевиков Подвойский устами как бы противников: «удивительное дело, на фронте большевиков не признают, считают изменниками, но начитаются солдаты «Солдатской Правды», и большевики начинают пожинать лавры». «Ядовитую пилюлю» (в виде «приказа № 1») – говорил ген. Алексеев на московском Государственном Совещании -«может быть переварила, бы в недрах своего здорового организма армия, но широко мутной волной пустилась агитация... С удостоверениями шли, без удостоверений шли немецкие шпионы, шли немецкие агенты. Армия превратилась в какой то общий агитационный лагерь».

2. Прапорщик Ермоленко

В то время, когда Ленин развивал в Петербурге свою «идейную пропаганду» терпеливо разъясняя по его словам, свою программу), на внешнем боевом фронте стало ощущаться несколько иной нажим со стороны неприятеля, заинтересованного при ухудшающемся положении не столько в отдаленной социальной революции в России, сколько в возможности достижения сепаратного мира. Неоформленное «братание» солдат в передовых окопах пытаются заменить частичными переговорами с местным командным составом через посредство официальных делегаций, выступающих под белыми флагами. Наиболее известно подобное выступление на фронте 5-ой армии у ген. Драгомирова, подробно рассказанное в газетах тех дней.

Конечно, рука об руку с легальными парламентарями продолжали действовать и секретные агенты, целью которых лежала подготовка почвы в русской армии для восприятия идеи сепаратного мира и по-прежнему разложение боеспособности противника. В такой обстановки на территории 6-ой армии произошло маленькое, быть может, довольно обычное по своему масштабу, событие которому суждено было, однако, иметь довольно значительные последствия. Немцами был переброшен на русский рубеж пленный офицер Ермоленко, который явился в штаб и 28-го апреля показал, что ему предложено было работать в качестве агента Германии. «Такие приёмы – рассказывает Деникин – практиковали и до революции: наше командование обратило внимание на слишком частое появление бежавших из плена. Многие из них, предавшись врагам, проходили определённый курс разведывательной службы и, получали солидное вознаграждение и «явки», пропускались к нам через линии окопов. Не имея никакой возможности определить, где доблесть и где измена, мы почти всегда – отправляли всех бежавших из плена с европейских фронтов на кавказский». В данном случае, очевидно, была некоторая специфичность: Ермоленко не бежал, а был переброшен самими немцами – едва ли не на аэроплане – на русский фронт. В своих показаниях он назвал имя Ленина. Об этом начальник штаба Ставки счел необходимым довести до сведения военного министра. В донесении 16-го мая он сообщал: «Ермоленко был переброшен к нам в тыл на фронте 6-ой армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского ген.-штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что

такого же рода агитацию ведет в России агент герм. ген. штаба, председатель секции «Союза Освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено всеми силами стремиться, к подрыванию доверия русского народа к Временному Правительству. Деньги на операцию получают через некоего Свенсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Здесь начинаются наши затруднения.

В своей «Жизни» Троцкий, цитируя «дословный текст» показаний Ермоленко, категорически говорит: «они ныне напечатаны», но не указывает, где эту публикацию можно найти. Сам автор большевистской истории революции фактически цитирует «дословный текст» из вторых рук – по выдержкам, приведенным в работе исторического семинара Института красных профессоров и в статье бывшего руководителя последних – Покровского. Большевики не опубликовали еще показаний Ермоленко, а выдержки, перемешанные толкованиями, догадками, насмешками (между прочим разные хронологические показания перепутаны между собой, не дают ясного представления о том «невообразимом вздоре», который молот Ермоленко инструктированный и слегка обученный» агентами военной разведки. Троцкий с торжеством устанавливает, что Ермоленко, не считаясь с разностью нового и старого стиля, за две недели до прибытия Ленина посадил его во дворец Кшесинской Троцкий в своем открытии в действительности повторяет, лишь заключение молодых «красных профессоров. Но это не будет уже столь абсолютным «вздором», если принять во внимание, что «дворец Кшесинской» появляется, как видно из текста Покровского, только втором показаний!» Ермоленко, данном 10 июля, когда с фронта был вызван в Петербург. В такой же мере неувязка может быть объяснена неудачной формулировкой протокола, зафиксировавшая слова допрашиваемого что ему еще в Берлине (3 апреля нов. стиля) говорили что Ленин работает во дворце Кшесинской. Но это всё-таки мелочь, хотя и выдвинутая большевистской критикой на первое место. Первоначально у большевиков была тенденция даже отрицать реальность самого существования прапорщика Ермоленко. В IV т. названных «Записок о революции» Суханова, помеченном 1922 г., прямо говорится: «Никому неизвестно, существовала ли когда-нибудь в действительности темная личность по имени Ермоленко, согласившаяся быть агентом германского штаба. Неизвестно и то, был такого рода документ, действительно, переслан от начальника штаба верховного главнокомандующего штаба военного министра Керенского. Может быть, был целиком сфабрикован на

Дворцовой площади, где около Керенского кишмя кишело черносотенное офицерство». Построение простое и легкое, но, очевидно никуда негодное. Послужной список пр. Ермоленко, кстати сказать, бывшего в плену вместе с автором известных очерков «Плен» В. Корсаком, был приложен к делу, при деле находится и документ, посланный ген. Деникиным. Работающие в семинаре Института красной профессуры (1927 г.) предпочли выдвинуть другую версию – от прапорщика. Ермоленко, «будто бы переброшенном немцами с целью агитации, и о показаниях его, состряпанных в штабе. Покровский вводит новый нюанс – надо дискредитировать показания Ермоленко безграмотностью и специфичностью его «филерского» донесения, которое почистили при втором допросе в Петербурге. У Ермоленко назван Иолтуховский потому, что он натерел в слезке за украинскими националистами в плену, а Ленин, как самый популярный, – другого имени Ермоленко назвать не мог. Последний не сразу «понял», что от него требуется донос на Ленина поэтому он все напирал на то, что все дело связано с «украинской секцией» германской разведки, что его послали «для отделения Украины и что он должен состоять в распоряжении Скоропись-Иолтуховскаго», «Послужной список» Ермоленко, действительно не может вызвать к себе большого доверия. «Бывший канцелярский служащий» владивостокского полицейского управления, участник в качестве «добровольца» русско-японской войны, произведенный в 1913 г. « в изъятие из закона» в зауряд-прапорщики, никогда не состоявший «на действительной военной службе», может быть отнесен к числу рядовых агентов военной контрразведки, – вероятно, очень храбрый, так как заслужил солдатский Георгий.

Как то странно, что такого агента выбрали в Берлине в уполномоченные по ответственному поручено, сообщили доверительные сведения и т. д.. Во втором своем показании Ермоленко рассказывал, как он въехал 3 апреля с обер-лейтенантом в Берлин. Был отвезен в Главный штаб и имел беседу с упомянутыми Шидницким и Люберсом. Заключил с ними «договор» о работе в России в пользу немцев, получил жалованье 800 р. в месяц и 30% с суммы причиненного России ущерба от взрыва складов, мостов и пр.

Когда Ермоленко поставил вопрос: «что же я один буду работать в атом направлении и потому от такой работы много пользы ждать нельзя, на это мне сказали, что напрасно я так думаю, что у Германии достаточное количество работает в России агентов-шпионов...при чем упомянули фамилию Ленина, как лица, работающего от Германии и для Германии и что дела у него идут великолепно». Ермоленко показал, «что

на дорогу ему дали 1.500 руб., а 17 мая в Могилев к нему подошли два незнакомых лица и вручили конверт со словами, что в нем жалованье вперед за два месяца и остальное на расходы. В конверте оказалось 50 т. руб. русскими деньгами». Деньги «по распоряжению верховного главнокомандующего» оставлены были в пользу Ермоленко Отсюда вывод: вся эта история вымышлена – деньги Ермоленко дал русский генеральный штаб за донос на Ленина. Если бы деньги были выданы германской контрразведкой, то их отняли бы у Ермоленки; наконец, стали бы немцы выдавать авансы человеку, который явился в русский штаб и ежедневно в этот штаб ходил. Пожалуй, другой вывод был бы более естествен: переброшенному на фронт с определенной целью скорее бы дали деньги, если бы он сумел внушить веру в себя -ведь все значение всякой провокации основывается только на доверии, которым пользуется провокатор пробивной стороны. Наличие 50 т. не отрицают и большевики. Совершенно невероятно, чтобы русская контрразведка могла заплатить Ермоленко такие деньги – она ими не располагала в революционное время. Надо допустить, что сама Ставка выдала такую сумму. Но не будем фантазировать. Пределы для необоснованных догадок неограниченны. Большевистские исследователи сами совершенно запутались в сплетенной паутине – отчасти в силу неразборчивого использования материала, находящегося только в их распоряжении.

Не стоит уделять место для уловления этих явных противоречий – не стоит отчасти потому, что показания Ермоленко многим, и не большевикам, в то время показались малоценными. Так для рассмотрения секретных материалов о немецкой пропаганде в Ставку был приглашен Бурцев. На него ни личность Ермоленки, ни его показания не произвели должного впечатления. Он допускал возможность, что показания Ермоленко были до некоторой степени подсказаны контрразведкой или частично подверглись соответственной обработке. «Отмежевывается» от Ермоленко и нач. воен. Контрразведки в Петербурге Никитин, так как, кроме «голословных заявлений», он не дал ничего, все его показания осталось «неубедительным». «Больше того, – утверждает Никитин – у нас даже не было досье Ермоленко. До июльского восстания его фамилию я слышал только раз от Переверзева, а подробным показаниям, данные им в штабе 6-й армии, я узнал от самого Ермоленко только после восстания, когда 8 июля мне его прислала Ставка». «Почему нам не сообщили раньше его показания? Как использовала Ставка самого Ермоленко? Мне неизвестно». «Я увидел – рассказывает Никитин – до смерти испуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить. П. А. Александров

(следователь) записал показания, а я его спрятал на несколько часов и отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь». «Воспоминания» Никитина не всегда точны – он явно в данном случае впадает в противоречие с тем фактом, что в деле имеются помеченные 10-июля более подробные показания, нежели данные Ермоленко в штабе 6-й армии, где зауряд-прапоры из бывших полицейских, может быть, действительно; набавляли себе цену, преувеличивая роль, которую надлежало ему сыграть, и сведения которыми он располагал в апреле месяце. Во всяком случае, до тех пор, пока целиком не будут опубликованы показания Ермоленко, приходится воздержаться от их окончательной оценки и с чрезмерной уверенностью и категоричностью отделять фантазии от действительности; как мы увидим, могут оказаться только кажущимися такими, некоторые противоречие в показаниях Ермоленко когда, например, он помещает, по словам Покровского, одно и то же лицо одновременно и в Берлине и в Киеве.

Для того чтобы вставить показания Ермоленко в правильные рамки, как будто бы надо, действительно обратиться к «Союзу Освобождения Украины». Выдержка из чрезвычайно ценного документа в свое время была приведена Милюковым в первом выпуске его «Истории революции» – это показания, данные военным летом в августе 17 г. украинским эмигрантом Вд. Степанковским, близко стоявшим к деятельности Союза возвратившимся в Россию. Степанковский расскажет как австрийское правительство постепенно к Союзу охладело и как последний перенес свою деятельность в Берлин и попал на полное иждивение Германии.

Германия, по примеру Австрии, стала выделять пленных украинцев в особые лагеря и пустила туда деятелей Союза для пропаганды отделением Украины от России в самостоятельное государство, входящее в систему центральных держав. Эту позицию поддерживала в Германии группа, представленная генеральным штабом. Пленные были сосредоточены в лагере «Раштадт», где в 16 г. сформирован был «1-й сичевой Тараса Шевченки полк», одетый в национальные жупаны и к началу 17 г. насчитывавший 1.500 человек из наиболее распропагандированных. Отсюда иногда и делались диверсии в Россию, те самые, о которых рассказывал Деникин, когда под видом инвалидов стали выпускаться здоровые украинские солдаты или перебрасываться на фронт под видом беглецов.

Достаточно ясно, что центральной кухней всех этих планов были Копенгаген и Стокгольм. Сюда «поближе к России» перебрались и вожди СОУ Иолтуховский и Меленевский, связанные с Парвусом еще

деятельностью на Балканах. К ним примыкал и Ганецкий. «Нужно думать – заключал Степанковский,-что все они работают вместе». Все дороги ведут в Рим. Тут уже недалеко и до мостика к Ленину, имя которого неожиданно назвал предназначаемый, быть может, только на роль скромного агента Иолтуховского, ауряд-прапорщик Ермоленко, Он мог случайно услышать это имя и от сопровождавшего его обер-лейтенанта. «Глупости» способны были делать и хорошо внешне дисциплинированные немецкие обер-лейтенанты.

Но вот что особо интересно. Иолтуховский и Меленевский оба обратились после революции к Временному Правительству с ходатайством разрешить вернуться на Украину, так нам с момента революции и падения царизма СОУ решил прекратить самостоятельную деятельность за границей, признавая, что правомочна говорить теперь от имени украинского народа единственно Центральная Рада. Революционная Россия не будет держать «дали в майданах неволи Украину», и поэтому по словам Иолтуховского, Союз занял нейтральную позицию в борьбе центральных держав с Россией. Все эта нейтральная позиция, если верить показаниям Степанковского, была весьма своеобразна. Получил Иолтуховский право вернуться в Россию – я не знаю по его словам, он приехал на Украину в конце 18г Но вот что передавал Степанковский: от самого Иолтуховского, а позже , в июле, от чиновника мин. иностр. дел фон-Бергена он слышал, что Иолтуховский создал в Полтаве тайную организацию, которая должна была соперничать с Центральной Радой. Организация эта действовала или должна была действовать с ведома германского штаба. Примыкавшие к ней украинцы по признанию Винниченко, склонны были «оголеть» фронт». Разве так уже не прав был Ермоленко, дав двойной адрес Иолтуховского?

Как ни отнестись к показаниям Ермоленко, едва их можно признать «решающими» для определения отношения большевиков к германскому военному командованию, как это делает в своих воспоминаниях Керенский: Ермоленко де «были указаны пути и средства сношения, банки, через которые будут получаться денежные средства, а также некоторые другие виднейшие агенты, среди которых крупные украинцы-самостийники и.... Ленин». Своей излишней категоричностью, значительно расширявшей сведения, полученные через Ермоленко, Керенский дал лишь повод для издевательств со стороны достаточно ловкого и острого полемиста Троцкого. Исследовать указанные Ермоленко пути, выследить агентов связи между Лениным и Людендорфом, захватить их с поличным, если это окажется возможным, – продолжает Керенский

-вот трудная задача, которая встала тогда перед Временным Правительством». «Малейшая огласка, конечно, заставила бы германский штаб изменить систему сношений с Россией... Даже в самом правительстве необходимо было в наибольшей степени ограничить круг посвященных в эту государственную тайну чрезвычайной важности. Мы решили с ген. Алексеевым, что работа по разоблачению по путям Ермоленко связей неприятеля с украинцами будет производиться в особо секретном порядке в Ставке. Расследование же указаний на Ленина я взял на ответственность Временного Правительства.

Кроме кн. Львова в правительстве об этом знали, кроме меня, только двое: министр иностранных дел Терещенко и министр путей сообщения Некрасов («Триумвират»). И в этом узком кругу исполнение задачи было поручено Терещенко, а каждый из нас остальных старался по возможности не интересоваться подробностями начатой работы... А работа была крайне кропотливая, трудная, сложная и долгая». Вот почему материалы, полученные из Ставки даже не были сообщены в петербургскую военную контрразведку, которая концентрировала у себя расследование связи большевиков и немцев; вот почему доклад о Ермоленко в течение полутора месяцев «оставался под спудом». Но ни Керенский, ни Терещенко который вел непосредственно расследование, ничего не сообщили впоследствии о своей работе, увенчавшейся исключительным успехом: итог «получился для Ленина убийственный» – «весь аппарат сношений Ленина с Германией был установлен». И далее несколько неожиданно Керенский рассказывает, в сущности, только то, что было известно в июльские дни по данным, полученным контрразведкой.

3. «Русская Дрейфусиада»

Так назвали большевики дни, последовавшие за июльским уличным выступлением, организованным партией Ленина против Временного Правительства Ленину и иже с ним было предъявлено официальное обвинение в измене. Так как следственное июльское дело вне нашей досягаемости, в основу изложения приходится положить воспоминания того, кто руководил тем центром, около которого сосредоточились собрание и предварительная разработка обвинительного материала. Мы начнем с известных уже нам воспоминаний начальника контрразведки петербургского военного округа. Кое-где придется восполнить пробелы памяти полк. Никитина, пользуясь случайными отрывками из следственного дела, использованными советской историографией, и газетными сообщениями того времени. И следует еще раз с самого начала повторить сделанную уже оговорку. В авторском предисловии к книге «Роковые годы» говорится; «Взвешивая каждое слово, я стремился изложить только факты, которые в своих существенных чертах все могут быть доказаны историком». На примере с документами, касавшимися эпизода с Черновым, можно было уже увидеть, что в действительности не всегда это так. Некоторые и другие «факты», сообщаемые Никитиным, опровергаются документами, т. е. перестают быть фактами. В процессе работы над воспоминаниями у бывшего начальника петербургской контрразведки в распоряжении, очевидно, почти не было документов – единственным исключением являются воспроизводимые им копии 29 телеграмм Ганецкого и к Ганецкому, которыми обменивались в первые месяцы революции Стокгольм и Петербург (копии с этих телеграмм вручены были контрразведке представителем аналогичного учреждения иностранного государства). Память мемуаристов иногда произвольно даже способна совершать курбеты, далеко отклоняющее рассказ оттого, что было в действительности, или предположения и догадки выдавать за установленные факты. Не всегда можно сделать проверку, и именно то, что автор воспоминаний строго не «взвешивает каждое слово», должно ослаблять впечатление от некоторых его заключений тогда, когда дело касается фактов, проверить которые мы не в состоянии. Приходится принимать их только на веру. Мне кажется, что, быв. министр юстиции Врем. Правительства Переверзев, принявший столь активное участие в июльских делах, слишком поспешил с безоговорочным признанием «совершенной правдивости и правоты» изложения, данного в книге

«Роковые годы» полк. Никитина. «Ничего, – писал Переверзев (письмо в «Посл. Нов.» 31 октября 30 г.) – к этой стороне его мемуаров я прибавить не могу, равно, как не могу внести в нее каких либо исправлений».

Никитин на страницах своих воспоминаний рассказал, с каким невероятным трудом пришлось ему восстановить разрушенную переворотом военную контрразведку – вплоть до того, что первые деньги на организацию столь необходимого в период войны государственного дела ему пришлось взять займы у частного лица. Для деятельности немецких агентов всех рангов и мастей в таких условиях открывался широкий простор. Может быть, русская военная контрразведка была бы совершенно беспомощна, если бы не находила поддержки со стороны иностранных делегаций союзных держав.

«Досье» контрразведки революционного периода открывается в Петербурге расследованием деятельности журналиста Кольшко, прибывшего из Стокгольма в начале апреля. Кольшко довольно явно принадлежал к кругу тех «пацифистов», которые работали на сепаратный мир России с Германией – он еще до революции приезжал, в Петербург для информации премьер-министра Штюрмера. В мою задачу отнюдь не входит рассмотрение всех начинаний, так или иначе связанных с немецким главным штабом, поэтому частное досье Кольшко я приоткрою только на той странице, где Никитин пытается установить некоторую связь между деятельностью Кольшко и деятельностью Ленина. При обысках, произведенных чинами контрразведки, было обнаружено собственноручное письмо Кольшки, адресованное в Стокгольм близкому ему лицу некоей Брейденбод, по сведениям английской разведки, находившейся в непосредственной связи с немецким штабом.

Письмо на французском языке было направлено с нарочным.– по утверждению самого «журналиста К» письмо его было извлечено из дипломатической вализы («П. Н» 25. X. 32). «Мы много работали, чтобы прощать Милюкова и Гучкова»-писал Кольшко, по словам Никитина, «дословно»: «теперь почва подготовлена: «a bon entendeur salut» (автор переводит так: имеющий уши, да слышат). Далее шло указание на необходимость передать партии центра Рейхстага, «чтобы она перестала брехать оружием», что «ее непримиримые требования аннексий и контрибуции губят Германию». Тут же указывалось, что «Ленин не соглашается поддерживать эти требования». Наконец, следовала просьба прислать пол миллиона руб. через Стокгольм и пол миллиона через Христианию (Кольшко приобрел у Нотовича «Петроградский Курьер» для создания газеты, которая проводила бы германофильскую линию). Во

фразе, относящейся к Ленину, Никитин видит доказательство «каких то переговоров» Кольшко с Лениным. Конечно, можно дать и иное толкование словам Кольшко (если допустить, что фраза воспроизведена точно) – вопрос мог идти об использовании агитации Ленина.

Контрразведка, между прочим, установила, что Кольшко посещал некий Степин, игравшей активную роль среди большевиков (Степин, бывш. агент компании Зингер, имел значительные связи среди рабочих, которым продавал до революции швейные машины в кредит). По наблюдениям агентов наружного наблюдения, «начиная с апреля месяца 1917 г. Степин нанимал людей для участия в большевистских демонстрациях». Сдружившись со Степином, один из таких ловких тайных агентов, пообещавший дать Степину казачьи связи, проник в его бюро, где Степин показал ему «пачки» денег в мелких купюрах по 5–10–25 рублей. «Просматривая рапорты агентов, – утверждает начальник контрразведки – можно было убедиться, что не проходило и двух дней, чтобы Степин не побывал в штабе Ленина, в доме Кшесинской». 3-го июля в 6 час. вечера Савицкий (упомянутый агент контрразведки) застал Степина за прямой раздачей денег солдатам. Последний самодовольно заявил, что денег у него, сколько угодно, что он «первый человек у Ленина», что последний ему доверяет и «сам дает деньги». Так ли это было в действительности или нет, но во всяком случае можно сделать вывод, что к Ленину прилипали всякого рода немецкие агенты. Степин был арестован.

Другое «направление» контрразведки вело в Финляндию. Агенты разведки «нащупали» два места в районе Торнео, через который отдельные люди нелегально переходили границу и связывались в Выборге с приезжими из Петербурга- среди последних была Колонтай. Никитин сообщает, что в первых числах июня через Переверзева, со слов одного из членов Ц. К. партии большевиков, стало известно, что Ленин сносится с Парвусом письмами, отправляемыми с особыми нарочными. И вот в Торнео при попытке перехода границы нелегальным путем было обнаружено письмо, адресованное (?) Парвусу. Потом доставлено было еще два письма: «все они, написанные одним и тем же почерком, очень короткие не больше одного листа обыкновенной почтовой бумаги в 4 стр., а последние так даже в 2 стр.» Содержание писем было весьма лаконично, без всякого вхождения в какие либо детали. В них просто приводились общие фразы, в роде; «работа подвигается очень успешно», «мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы», «будьте осторожны в письмах и телеграммах», «материал, посланный в Выборг, получили,

необходимо еще», «присылайте побольше материалов», «будьте архи-осторожны в сношениях» и т. д. «Присяжные графологи» установили, что неразборчивая подпись принадлежит Ленину. «Письма эти – добавляет автор – читали все мои помощники и Переверзев».

«Настойчивые просьбы Ленина, обращенные именно к Парвусу о присылке «побольше материала». были очень сомнительны» – замечает Никитин: «примем во внимание, что тогда в России существовала полная свобода печати, очевидно, не могло быть и речи о присылке секретным путем каких бы то ни было печатных материалов. Торговлей Ленин не занимался; таким образом, гипотеза о товарах также отпадала. Оружия у большевиков в петроградских полках было, сколько угодно. Что же подразумевал Ленин под словом «материалы», обращаясь секретным путем к официальному германскому агенту»? Оставим вопрос о толковании текста в стороне. Самый факт обращения Ленина к Парвусу после всего того, что мы внаем, был бы убийственным доказательством виновности Ленина. Как мог Ленин – этот «великий революционер» с чертами «педантичного нотариуса», по выражению Троцкого, – соединявший «смелые замыслы» с тщательной предусмотрительностью в выполнении, так старательно обставивший в Швейцарии свое политическое алиби и в силу этого уклонявшийся от каких либо непосредственных сношений с Парвусом, вдруг сделать без особой к тому надобности такой неосторожный и ложный шаг? Нет, этого шага Ленин не делал. В № 21 «Пролетарской Революции» (1923 г.) большевики опубликовали 3 письма Ленина, найденным в копиях, заверенных представителем контрразведки подполк. Мясоедовым, в архиве министерства юстиции. Не приходится сомневаться, что это именно те письма, которые были отобраны при обыске в Торнео или в других прилегающих к границе местах. В одном из этих писем есть фраза: «будьте архи-аккуратны и осторожны в сношениях». Но письма эти адресованы не Парвусу. Два письма направлены Ганецкому (одно помечено 21 января, другое 12 июня) и третье Карпинскому в русскую библиотеку в Женеве (12 апреля).

В сущности письма информационного характера. Ленин жалуется Карпинскому, что трудность сношений с заграницей «невероятно велика»: «нас пропустили, встретили здесь бешеной травлей, но ни книг, ни рукописей, ни писем до сих пор не получили». «Очевидно, военная цензура работает чудесно – даже чересчур чудесно, но Вы знаете, конечно, что у нас ни тени нигде о войне не было и быть не могло» Ленин просит Карпинского прислать конец его рукописи по аграрному вопросу. В

нервом письме к Ганецкому Ленин сообщает, что письмо .№ I (от 22–23 апреля нов. ст.) получено, как и две тысячи от Козловского, но «пакеты» до сих пор не получены, жалуется Ленин на затруднительные сношения – «с курьерами дело наладить не легко», и сообщает, что сейчас «едет специальный человек для организации всего дела. Надеемся, – ему удастся все наладить». Второе письмо, имеющее в виду Ганецкого и Радека, наряду с информацией о «шовинистическом угаре» в Петербурге и выражением надежды, что удастся выправить линию «Правды», «колеблющейся к каутскианству», снова сообщает: «до сих пор ничего, ровно ничего, ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получил, только две телеграммы от Ганецкого»

Все это очень далеко от установления непосредственной связи Ленина с Парвусом. надо сказать, что Переверзев не в интервью, напечатанном в «Возрождении», а в «письме в редакцию «Посл. Нов.» говорит уже не о Парвусе, а о Ганецком: «Ленин был уличен в письменных сношениях, весьма конспиративных и недвусмысленных, с зарегистрированным германским шпионом Ганецким – Фюрстенбергом». Доля «подозрений» от этих писем остается – особенно от второго письма к Ганецкому, но класть их в качестве краеугольного камня совсем не приходится.

Гораздо важнее в этих письмах упоминание об инженере Штейнберге – не то эмигранте, не то легальном посреднике, типа прис. повер. Козловского. В письме 21 апреля говорится: «на счет Штейнберга приняли меры», а в письме 12 июня сообщается: «Штейнберг приехал и обещает раздобыть присланные пакеты. Посмотрим, удастся ли ему это». Письмо Ленина подтверждает таким образом подлинность телеграммы Ганецкого, найденной контрразведкой при очищении особняка Кшесинской, где помещался штаб большевиков в июльские дни: «Штейнберг будет хлопотать субсидии для нашего общества. Обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт». К этой телеграмме относятся, очевидно, слова в ленинском письме: «насчет Шт. примем меры». «Штейнберг, – писал Ленин позже в своем ответе 26-го июля – член эмигрантского комитета в Стокгольме. Я первый раз видел его в Стокгольме. Штейнберг около 20 апреля или позже приезжал в Питер, помнится хлопотать о субсидии эмигрантскому обществу. Проверить это прокурору совсем легко, если бы было желание проверить». Здесь какая то ложь Ленина выступает очевидно. Странный ходатай о правительственной субсидии эмигрантскому обществу приезжал не только в апреле, но и в июне; он

добывал «пакеты» для Ленина, как это устанавливает собственноручное письмо последнего. Какие «пакеты» и откуда? Скорее всего, из числа тех, которые Ганецкий пересылал, пользуясь услугами «друзей» в посольстве, дипломатической почтой из Стокгольма. Не напрашивается ли здесь некоторое сопоставление?

В газетах того времени проскользнуло сообщение, что в Петербурге 7 июля арестован был замешанный в дело Колонтай владелец экспортной конторы Шперберг..

И еще в процессе расследования появилась одна фигура, также не указанная в воспоминаниях Никитина и не упоминавшаяся в газетах того времени. О ней мы узнаем из текста большевистских историков по данным, заимствованным из архивных документов июльского дела. Арестован был какой-то «купец» Бурштейн, показавший, что в Стокгольме существует германская шпионская организация, возглавляемая Парвусом, с которым держат связь Ганецкий и Козловский. Большевики так скупко касаются «переверзевских фальсификаций», т. е. документов июльских дней, что на первый взгляд непонятно было, зачем они вытащили на свет Божий показания, о которых никто ничего не знал. Своей публикацией они хотели дискредитировать следствие. В деле оказались официальные справки, характеризующие Бурштейна лицом, «не заслуживающим никакого доверия»: Бурштейн «представляет собой тип темного дельца, не брезгующего никакими занятиями». Вероятно, таким и был «тертый калач» из авантюристов социалистической среды, и он тем самым по своему моральному облику весьма подходил к «спекуляции» и «контрабанде» Ганецкого. «Бурштейн – должен, однако признать Покровский, -по-видимому, действительно, видел в Копенгагене Парвуса, а у него некоторых русских социал-демократов». Это уже кое-что значит. Ленин не слишком считался с моральными качествами своих агентов. Партия ведь «не пансион для благородных девиц». К оценке партийных работников нельзя подходить с узеньким мериллом «мещанской морали». Иной «мерзавец», по мнению Ленина, полезен именно тем, что он «мерзавец».

Очень показательно, что в протоколах Петроградского Воен. Рев. Комитета за октябрьские дни можно найти упоминание о некоем Бурштейне, в качестве действующего персонажа. Едва ли приходится сомневаться, что речь идет об одном и том же лице. Недостаточно осведомленный в свое время Покровский (протоколы были опубликованы лишь недавно) не учел, очевидно, возможности подобного сопоставления в будущем.

Расследование, по словам Никитина, приняло «серьезный характер» лишь после того, как кап. Пьер Лоран, представитель французской контрразведки, вручил 21 июня Никитину копии 14 телеграмм между Стокгольмом и Петербургом, которыми обменивались Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Колонтай и Суменсон (позже Лоран передал еще 15 телеграмм.) Показательны условия, при которых состоялась передача этих телеграмм: свел представителей двух контрразведок (русской и иностранной) Терещенко: «теперь вы знакомы – сказал министр ин. дел – и можете обо всем сноситься друг с другом непосредственно без меня». Надо полагать, что «тем самым военные контрразведывательные органы как бы вводились в русло тех изысканий, которыми, по словам Керенского, самостоятельно занималось Временное Правительство. Очевидно, вело оно такую работу при посредстве иностранной агентуры. Только так можно толковать слова Керенского: «некоторые данные, еще раньше полученные М. И. Терещенко дипломатическим путем, ускорили расследование».

Покров таинственности всей этой закулисной стороны немного приподнимают воспоминания бывш. президента Массарика. Он рассказывает, как один из американских журналистов от имени чешского национального объединения во время войны организовал самостоятельную антинемецкую разведку. «Связавшись еще в 1916 г. с русской тайной полицией», он получил возможность узнавать о «многих немецких интригах в России». В конце года американский журналист, начавший работать на собственные средства, уже вел широкую работу за счет английской тайной полиции. В его распоряжении было до 80 агентов. В 1917 г. по соглашению с французскими и английскими учреждениями глава разведки выехал в Россию в целях организации специального бюро (Slav. Press Bureau) для американского правительства. К сожалению, воспоминания Массарика очень скупо сообщают подробности о деятельности указанной организации, между тем она приобретает первостепенное для нас значение: «Нам удалось установить – отмечает Массарик – что, какая то г-жа Симонс (очевидно Суменсон) была на службе у немцев и содействовала передаче немецких фондов некоторым большевистским вождям. Эти фонды посылались через стокгольмское немецкое посольство в Гапаранду, где и передавались упомянутой даме». Сведения эти были сообщены Керенскому. И тут Массарик делает интереснейшее добавление: бюро прекратило «дальнейшее расследование, когда оказалось, что в это дело запутан один американский гражданин, занимавший очень высокое положение. В наших интересах было не компрометировать американцев»....

Тогдашний генерал-квартирмейстер петербургского военного округа, продолжавший ведать делом контрразведки, судя по его воспоминаниям, по-видимому, не имел ни малейшего представления о параллельной, самостоятельной и независимой деятельности славяно-американского бюро, остановившего свою разведку в определенном направлении, как только это стало невыгодно, по мнению руководителей дела, для чешских национальных интересов. Едва ли такое положение может быть признано нормальным с русской точки зрения. Таинственность, которой окружал свое расследование правительственный «триумвират», таким образом, помешала довести до конца неожиданно прерванную работу американско-чешского бюро. И, тем не менее копии, сообщенные кап. Лоран русской контрразведке, сразу навели ее на «некоторые размышления». Наряду с простыми как будто бы телеграммами, сообщавшими новый адрес (Фюрстенберг - Ульяновой) или жалобы Колонтай на обыск в Торнео и т. д. шли телеграммы «коммерческого» характера. Не стоит воспроизводить весь их текст, ибо сам по себе он ничего не дает, – на мой взгляд вся суть не в содержании большинства телеграмм, а в том толковании, которое давали впоследствии обвиняемые. Некоторые из телеграмм я приведу в связи с другим контекстом. Вот наиболее характерные деловые телеграммы (все они приведены Никитиным без дат: а) Суменсон телеграфирует Фюрстенбергу: «Номер 86 получила вашу 23. Ссылаюсь мои телеграммы 84–85. Сегодня опять внесла 20.000 вместо семьдесят». Она же: «финансы весьма затруднительны, абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как последний раз карандаши громадные убытки оригинал безнадежно пуст. Нио Банкен телеграфирует новых 100 тысяч», б) Фюрстенбергу (очевидно Суменсон): «Номер 90 внесла Русско-Азиатский сто тысяч». в) Ему же: «Нестле не присылает муки. Хлопочите». г) Суменсон из Стокгольма: «Телеграфируйте сколько имеете денег Нестле». д) Ей же «Невозможно приехать вторично уезжаю Сигизмунд. Телеграфируйте туда остатки банков и по возможности уплатите по счету Нестле».

Тексты телеграмм, конечно, можно было «без конца комментировать». Автор воспоминаний сообщает такую деталь. Кап. Лоран был приглашен министром ин. дел к председателю правительства кн. Львову, на квартире которого собралось несколько министров. По мнению Лоран, телеграммы служили достаточным поводом для ареста. «Терещенко склонялся к мнению Лоран. Против выступил Некрасов. Он заявил, что иносказательный характер телеграмм лишает их всякого значения». «Кн. Львов слушал, не высказываясь». «Остальные министры

колебались». Собрание ни к какому решению не пришло. Но контрразведка, считая, что у нее уже «много материала для обвинения большевиков в государственной измене», решила действовать и своими непосредственными действиями развеять колебания правительства. 1 июля – говорит Никитин – «мы составили список 28 большевиков-главарей, начиная с Ленина, и, пользуясь предоставленным мне правом, я тут же подписал именем Главнокомандующего 28 ордеров на арест». Вооруженное выступление большевиков нарушило нормальный ход событий. И только по ликвидации мятежа среди других были арестованы и упоминавшиеся в телеграммах Козловский и Суменсон.

Кто такая Суменсон? От нее отрецивались все большевики – знать не знаем. «Припутывают имя какой-то Суменсон» – говорили Ленин, Зиновьев и Каменев в своем письме в «Новую Жизнь». Троцкий, идя по стопам Суханова, пытался в своей уже литературной работе, выпущенной в 1930 г. («Моя жизнь») в отношении Суменсон применить метод полного отрицания, как отрицалась одно время реальность прап. Ермоленко. Так черным по белому в книге Троцкого говорится, что Керенский вводит в свой «уголовный роман», помимо «двух довольно известных польских революционеров Ганецкого и Козловского», и некую госпожу Суменсон, о которой «никто никогда не мог ничего сообщить и самое существование которой (?1) ничем не доказано». Суменсон, арестованная 7 июля и избитая солдатами при аресте, подвергалась многократным допросам. Еще до ареста наблюдения агентов контрразведки установили, что Суменсон располагала значительным счетом в Сибирском банке. Финансовая экспертиза в дальнейшем, выяснила, что этот счет составлял около 1 мил., с которого за последние месяцы было снято около 800 т. Деньги эти переводились Фюрстенбергом из Стокгольма через Ниа Банк. «При подробном расследовании – добавляет Никитин – было выяснено, что Ганецкий в Ниа-Банк получал деньги через Дисконто-Гезельшафт-Банк». Как был установлен этот факт, Никитин не говорит. По его словам, Суменсон будто бы «во всем и сразу чистосердечно призналась» и сообщила, что «никакого аптекарского склада у нее не было и вообще никакой торговлей не занималась». Характеризует ее Никитин, как «демимонденку, кстати сказать, совсем не первого разряда», которую легко обошел «способный и испытанный молодой секретный сотрудник разведки, поселившийся на даче у Суменсон в Павловске». А известный Белецкий, б, тов. министра внутрен. дел в дореволюционное время, заведовавший департаментом полиции и находившийся в дни после большевистского переворота в заключении в Петропавловской крепости,

сообщил посетившему его американскому журналисту Ротштейну, что Суменсон искони была немецким агентом, через которого немцы присылали в Россию еще до революции деньги на поддержку пораженческих моментов. Этот рассказ позже, в «Крестах», подтвердил Белецкий и самому Бурцеву. Следует отметить, что Суменсон временами «проживала в Швеции».

О Козловском Никитин говорит немного. Его агентами «было выяснено, что Козловский по утрам обходил разные банки и в иных получал деньги, а в других открывал новые текущие счета. По мнению наших финансовых экспертов, он просто заметал следы». В газетах после ареста Козловского появились сообщения, что на его счету оказалось 2 мил. руб. Как можем мы без оговорок установить этот факт, если не имеем возможности сослаться на определенную страницу июльского дела? Неизбежно приходится идти путем сопоставления. Обращает на себя внимание то, что Козловский, из тюрьмы протестовавший в газетах против ареста, ни слова не упомянул о деньгах – он утверждал лишь – что в его переписке нет никаких указаний на близкое знакомство с Ганецким, что переписка его не носила преступного характера, хранилась на квартире прис. пов. Соколова на видном месте и была известна Чхеидзе («Рус. Вед.» № 172). Козловский, как бы сознательно, умалчивал о своей коммерческой деятельности. Что представляла собой политическая переписка, яко бы известная председателю Совета, нам неизвестно. Между тем, по утверждению Керенского – Козловский на следствии «не отрицал получения огромных сумм из заграницы. В свое оправдание этот когда то порядочный человек, член польской социалистической партии, нагло заявил, что он вместе с г-жей Суменсон и Ганецким занимался во время войны контрабандным провозом в Россию, я не помню «сейчас каких предметов дамского туалета» (медикаментов – говорят Никитин и большевистские повествователи на основании следственных документов).

«Прикрываться коммерческой перепиской – скажет нач. контрразведки – обычный приём шпионов». Но «коммерческая» переписка становится вдвойне подозрительной, если она прибегает к иносказательным формам и условным обозначениям (таинственный «Нестле»). Что это за торговцы принадлежностями «дамского туалета» или медикаментами, которые телеграфируют: «Семья Мэри требует несколько тысяч. Что делать, газет не получаем». Но чрезмерно ли велики обороты заграничной контрабандной торговли демимондовки «не первого разряда»: «номер 86 получила вашу 123». «Ссылаясь на мои телеграммы 84–85»; «номер 80 внесла в Русско-Азиатски1 сто тысяч...» Почему

товары, ввозимые в Россию Суменсон и Козловским, оплачиваются чеками Ганецкого из Стокгольма? – естественно было бы предположить противоположный путь для прохождения чеков... Нет, это только коммерческая переписка, к большевикам никакого отношения не имевшая,-утверждал в «ответе» Ленин. Но он формально был не прав, ибо умолчал, что среди «двадцати девяти» телеграмм, имевшихся в распоряжении контрразведки, была и телеграмма Ленина и Зиновьева Ганецкому чисто политического свойства: «Зовите, как можно больше левых на предстоящую конференцию. Мы посылаем особых делегатов. Телеграмма получена. Спасибо». Тут и телеграмма технико-литературного содержания: «Пусть Володя телеграфирует посылать каком размере телеграммы для Правды Колонтай». Почему Колонтай запрашивает об этом «польского социалиста» прис. пов. Козловского, никакого отношения к журналистике и к литературной части «Правды» не имевшего? Каждую телеграмму, действительно, можно было бы комментировать «без конца». Очевидно, эти возможные комментарии не нравятся большевистским исследователям «легенды» о немецких деньгах. Чём иначе объяснить то странное явление, что, подробно разбирая показания Ермоленко, они стараются умолчать о том, что являлось главным пунктом обвинения?

У Покровского нет ни одного слова о «коммерческой» переписке, Троцкий ограничился одной фразой а участники, семинара Института красных профессоров коснулись лишь дальнейшей судьбы «чудовищного дела, дела Бейлиса № 2» после ареста «т. Козловского и гр-ки Суменсон»: «взята была вся корреспонденция Козловского и Суменсон, были изъяты счета из банков, из почтово-телеграфных контор, были затребованы копии телеграммы, фактуры из экспортных контор и т. д. Все эти документы, также как и торговый книги Суменсон, показали лишь то, что она, как и сотни других лиц, вела успешную торговлю недостающими в России товарами». Изучившим 21 том следственного дела и книги в руки. Прокуратура, очевидно, выполнила советы, которые давал Ленин 20 июля: «вскрыть весь круг коммерческих дел Ганецкого и Суменсон, это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует». Выводы юристов и «красных профессоров» получились равные. Первые нашли «улики» для обвинения в «измене» , вторые, изучившие даже «торговые книги» гр-нки Суменсон, которых, как будто бы, и не было, установили отсутствие улик и компрометирующих данных.

«Контрразведка – замечает Никитин – никогда не мечтала определить, какую сумму партия большевиков получила от немцев... Пути

перевода должны были быть равные. Наша цель была доказать документально хотя бы одно направление». Автор только намекает, что другим руслом, по которому могли протекать деньги из Германии, являлись консульства нейтральных держав – через них передавались деньги германским правительством на нужды военнопленных: контроль над расходованием этих сумм был недоступен для русской власти. Такое же убеждение высказывает и Переверзев. Была еще сложная, подлинно двойная, бухгалтерия тех русских банков, которые в своей деятельности были слишком тесно и неразрывно связаны с немецким капиталом, на что указывал еще в августе 16 г. даже английский король в личном письме к русскому царю .

В июльские дни, когда большевиками была произведена неудачная генеральная репетиция будущего октябрьского переворота, в неофициальном порядке были оглашены некоторые сведения, уличающие руководителей вооруженного выступления в немецких связях. В мою задачу не может входить описание условий, при которых министром юстиции, членом партии с.-р., Переверзевым было допущено преждевременное опубликование данных предварительного следствия. Это возможно сделать лишь по связи с рассказом о том, что было в Петербурге в июльские дни. Вынужденное, по мнению Переверзева, опубликование спасло растерявшееся перед событиями правительство, которое к тому же находилось в состоянии очередного «глубокого политического кризиса». Сообщение о связи большевиков с немцами совершенно изменило настроение некоторых колебавшихся частей гарнизона. По существу я думаю, что Переверзев был прав в оценке момента, как была права и та пятичленная комиссия (три члена контрразведки и два члена ведомства юстиции), которая образовалась в дни кризиса и по инициативе которой, очевидно, и было произведено опубликование данных контрразведки. В виду шума, возникшего около этого дела, члены упомянутой комиссии обратились позднее «к обществу» с разъяснением, где указывали, что они «совершенно сознательно» в «критический для родины и свободы» момент шли на оглашение имеющихся у них данных, могших уяснить народу «истинную подоплеку происходивших событий» – этого требовали, по их мнению, «интересы государства»; они высказывали готовность «всецело отвечать за свои действия перед общественным мнением».

Военного министра Керенского не было в Петербурге, – он уехал на фронт. «В Полоцке – вспоминает Керенский – ко мне в вагон вошел Терещенко и подробно рассказал все, что случилось в Петербурге за

последний день большевистского восстания, 5 июля. Во всем происшедшем одно обстоятельство, несмотря на большое впечатление, которое оно произвело на войска, было для нас обоих целой катастрофой». Как раз в эти дни «через Финляндию должен был проехать в Петербург главный германо-большевистский агент в Стокгольме Ганецкий. На русско-шведской границе с уличавшими Ленина документами – это было точно нам; известно (курсив мой. С. М.) – Ганецкий должен был быть арестован русскими властями»... «Мы, Временное Правительство, потеряли навсегда возможность документально установить измену Ленина... Ибо ехавший уже в Петербург и приближавшийся (?) к финляндской границе, где его ждал внезапный арест, Ганецкий-Фюрстенберг повернул обратно в Стокгольм. С ним вместе уехали назад бывшие на нем и уличающие большевиков документы»... «Вся исключительной важности двухмесячная работа Временного Правительства (главным образом Терещенко) по разоблачению большевистского предательства пошла прахом». Совершенно естественно, большевики сейчас же постарались уличить Керенского в вопиющем противоречии: с одной стороны измена Ленина «исторически бесспорный и несомненный факт», с другой, двухмесячная работа Временного Правительства «пошла прахом» и исчезла «навсегда возможность документально установить» измену Ленина. Керенскому, конечно, надлежало сообщить открыто, какую таинственную разведку производило правительство и из каких источников ему было «точно» известно о тех уличающих Ленина документах, которые должен был привезти с собой Ганецкий.

Контрразведка – поясняет Никитин – знала о приезде Ганецкого, хотя бы из телеграмм Суменсон, но «не увлекалась предположением найти на Ганецком бумаги, подписанные германским канцлером или пачку кредитных билетов с препроводительным письмом от Дисконто-Гезельшафт банка». Можно с большей еще определенностью сказать, что никаких «документов» Ганецкий, если бы, действительно, приехал в Петербург, с собой, конечно, не привез бы. Телеграммы Суменсон-Козловского-Ганецкого не оставляют никаких сомнений. «На днях еду Петроград день сообщу» – телеграфирует (дат, к сожалению, нет) Козловскому Ганецкий, подписываясь в коммерческой депеше уменьшительной партийной кличкой («Куба»). «Строчите могу ли сейчас приехать Генрих ждет» – сообщает, очевидно, тот же Ганецкий Суменсон. «Смогу ответить только в конце недели»-отвечает последняя. «Увы, пока надежд мало» – повторяет Суменсон. В чем дело? «Вашу получили» –

поясняет Козловский: «Кампания продолжается потребуйте немедленно образования формальной комиссии для расследования дела. Желательно привлечь Заславского официального суда». Суть в том, что против Ганецкого было коллективное выступление журналистов в Стокгольме, на которое в «Дне» остро реагировал журналист Заславский, впоследствии отдавший свое бойкое перо на службу кремлевским покровителям избалованного мошенника. Можно ли допустить при таких условиях, что Ганецкий беспечно поедет в Петербург с документами, обличающими Ленина в измене? «Дипломатическая» работа министра иностранных дел, по-видимому, главным образом заключалась в том, чтобы убедить Ганецкого через Стокгольмское посольство, что приезд в Петербург никакими неприятностями ему не грозит.

От такой уверенности до провоза компрометирующих документов слишком большая дистанция. Да и зачем, наконец, надо было Ганецкому везти компрометирующие документы и совершать столь чреватый по своим последствиям неосторожный шаг?

Заключение Керенского решительно приходится отвергнуть. Если предположить, что закулисная работа правительственного «триумvirата», о которой не считали нужным осведомить министра юстиции, была так или иначе связана со славянско-американским бюро, то мы знаем, что бюро это свое расследование прекратило совсем по другим причинам и без всякой связи с преждевременным разоблачением большевиков, давшим им возможность спрятать все концы в воду.

Я неизбежно должен ограничить рамки своего изложения и оставить в значительной степени в стороне выяснение деталей, объясняющих почему расследование о связи большевиков с немцами предпринятое Временным Правительством, сошло в конце концов, на нет. Это – любопытная страница для характеристики общественных настроений революционной эпохи и позиции Временного Правительства, но она нам ничего не даст для разрешения тайны о «золотом немецком ключе».

Опубликование данных о «государственной измене» большевиков, находившихся в распоряжении судебных властей, было совершено от имени двух журналистов – все того же Алексинского, оказавшегося неожиданно в подходящей момент в штабе, и известного народовольца шлиссельбуржца Панкратова, заведовавшего просветительным отделом штаба округа.

«Полгая, что надо принять на себя весь риск и страх опубликования, но не находя свои имена достаточно авторитетными – говорит упомянутое обращение «к русскому обществу» – составители этого протокола

сообщили данные двум общественным деятелям... Эти общественные деятели немедленно согласились с нашим мнением и предложили дать свои имена. Нельзя было терять ни часа, так как мы понимали, что через несколько часов будет поздно, а документы из наших рук могут перейти в руки тех, кого они должны изобличить. Напечатать документы в столь короткий срок было чрезвычайно затруднительно... Тогда... пришлось изложить важнейшие данные в виде экспозэ, при чем за краткостью времени нельзя было заботиться о тщательной редакции. Составители «протокола» отмечают, что об «инициативе частных лиц» были поставлены в «известность некоторые члены Временного Правительства», и министр юстиции после переговоров со своими товарищами по кабинету заявил, что «официального сообщения быть не может, но со стороны присутствующих членов Временного Правительства не будет чиниться препятствий частной инициативе». В основу экспозэ было положено донесение о показаниях Ермоленко, пополненное сведениями о том, что «доверенными лицами» в Стокгольме по поступившим данным являются Парвус и Ганецкий, а в Петербурге Козловский и Суменсон.

Экспозэ, сообщенное газетам как бы в частном порядке и за подписью указанных «общественных деятелей», отнюдь не носило официального характера и, следовательно, не могло связывать правительство. Но связало его другое – настроение в «советских сферах»: начался, по характеристике Керенского, «острый припадок боязни реакции». «Началась почти паника»... С первого же момента в «руководящих социалистических кругах» опубликованные сведения произвели совсем другое впечатление, чем на войска в критическую ночь на 5 июля – утверждает тот же Керенский. Одно имя Алексинского в глазах этих кругов имело уже отрицательное значение; появление первоначальных сведений в газете, не имеющей никакого общественного авторитета и плохую репутацию, – в «Живом Слове» (другие газеты по просьбе председателя ЦИК'а Чхеидзе или по распоряжению министра-председателя кн. Львова, как утверждает обращение «к русскому обществу», воздержались от печатания сообщения) еще более усилило отрицательное впечатление. Казалось правительству, надлежало бы немедленно выпустить какое, либо официальное сообщение, оно этого не сделало и, очевидно, сделать не могло, так как находилось в прострации от затянувшегося политического кризиса. Вместо того в газетах стали появляться интервью, в которых участники правительственного «триумвирата», производившие «самостоятельное расследование», – Некрасов и Терещенко, полемизировали и, в сущности, дискредитировали значение акта

разоблачения и позиции министра юстиции, инициативе которого приписывалось выступление против большевиков.

Дело доходило до предложения: со стороны Некрасова и Терещенко Переверзеву, вынужденному покинуть ряды правительства, привлечь их к третейскому суду (заявление, напечатанное в «Известиях» 11 июля). Формально перед общественным мнением оставалось только частное сообщение, неубедительное для всех тех, в глазах которых имя Алексинского в то время было уже своего рода «красной тряпкой». Алексинский как бы в частном порядке продолжал свои личные разоблачения, расширяя рамки обвинений и распространяя их на тех, кого в худшем случае, можно было бы упрекнуть разве только в небрежном попустительстве. Эта неразборчивость вызвала резкий отпор Ф. Дана в «Известиях»: он называл орган Алексинского («Без лишних слов») «клеветническим листком», самого Алексинского «бесчестным клеветником» и сообщал, что привлекает автора разоблачений к суду за клевету – «пора положить конец тому потоку грязи, которым... стараются забрызгать всех без разбора». Как все это должно было ослаблять силу выдвинутого против большевиков обвинения. Сколь двойственное впечатление оставалось в демократических кругах от разоблачения большевистской «измены», показывает позиция хотя бы московской газеты «Власть Народа». Этот орган объединенного социалистического мнения, поддержавший не за страх, а за совесть политику коалиционного правительства и проводивший яркую антибольшевистскую линию, пером одного из своих редакторов Гуревича писал в статье «Разоблачение до конца» (8-го июля):...» «отрадно узнать, что просьба Временного Правительства объясняется не его слабостью, не давлением, оказанным на него организациями, считавшими почему либо более целесообразным затушевать и замять это страшное и позорное дело, а интересами самого дела, необходимостью выяснить до конца и вскрыть все, нити, таинственно связывающие вольных и невольных врагов русской революции с германским генеральным штабом»....

«Мы уверены, что.... все честные политические деятели, к какому бы лагерю они не принадлежали, будут одинаково желать полного и всестороннего выяснения поставленного перед революционной демократией темного и страшного вопроса. Ни о каком затушевывании этого дела не может быть и речи.

Если мы хотим, чтобы даже и тень гнусного и страшного преступления не пала на всю революционную демократию, мы обязаны со всем беспристрастием, но и со всей беспощадностью вскрыть

отвратительный гнойник и удалить весь гной, вольно и невольно привезенный к нам в запломбированных германских вагонах... Малейшая слабость в этой необходимой хирургической операции может отравить злым ядом всю нашу революцию и погубить ее.... Когда вы видите, как «Правда» в целом ряде статей упорно и страстно защищает Ганецкого, теперь уже открыто изобличенного, гнусного изменника – тогда не пеняйте, что широкая публика не видит никакой грани между «Правдой» и Ганецким».... И тут же буквально рядом со страстными строками Гуревича другой редактор газеты, Кускова, писал: «Работали ли большевики на немецкие деньги – вещь сомнительная. Может быть, работа эта была не от немецких денег, а от глупости и моральной тупости». Публицист «Власти Народа», призывая очистить «авгиевы конюшни старой подпольщины», в сущности переводил вопрос в иную плоскость – несомненно, «лишь относительно очень немногих лиц будет установлена их непосредственная связь с германским штабом», но разве не говорили «многие и многие тысячу раз» большевикам, что «лозунги большевиков в конкретной русской обстановке, а также в обстановке войны, так удобны для целей шпионов и негодяев черной реакции». И вот в июльские дни «негодяи – шпионы, жандармы, городовые» творят свое «черное дело измены». «Какой политической партии могло быть выгодно производить такого рода погром. Несомненно, одно: что во всем этом могли участвовать те, которые связаны не только контрреволюционной слои, но и силой немецкого генерального штаба»

Это отчасти уже косвенная реабилитация большевиков, как политической партии: «сомнений в том, что вы не повторите, больше кровавых призывов уже нет». Так писала Кускова, и революционная демократия в значительном своем большинстве считала долгом

протестовать против огульного обвинения большевиков провокации и шпионаже и взять партию в целом под защиту. Еще 6-го июля в «Известиях» было опубликовано следующее заявление ВЦИК: «в связи с распространившимися по городу и проникшими в печать обвинениями В. Ленина и других политических деятелей в получении денег из темного немецкого источника, Ц. К. доводит до всеобщего сведения, что им, по просьбе представителей большевистской фракции, образована комиссия для расследования этого дела. В виду этого впредь до окончания работы этой комиссии, ВЦИК предлагает воздержаться от распространения позорящих обвинений и от выражения своего отношения к ним и считает всякого рода выступления по этому поводу недопустимыми». Комиссия никогда не сочла нужным довести до всеобщего сведения результаты

своего «расследования» – это была комиссия по похоронам всплывшего в июльские дни вопроса. Отдельные заявления ответственных представителей революционной демократии скорее сводились к аннулированию распространенной «клеветы» – Церетелли уже не заподозревал в официальном заседании ЦИК связи большевиков с германским штабом, а меньшевик Либер считал, что обвинения, направленные против Ленина и Зиновьева, «ни на чем не основаны». Троцкий в пленуме ЦК 15 июля мог смело говорить: обвинения Ленина в подкупности «голос подлости».

Пойдемте на заседание московской городской думы 19-го июля. Представитель партии к.-д. Овчинников делает официальное заявление, гласящее, что партия отказывается послать своего представителя в президиум Думы, так как в нем участвуют большевики, которым которым предъявлено обвинение в государственной измене. Заявление Овчинникова, по словам газетного отчета, вызывает «бурные протесты». Протестует сам председатель Думы с. р. Минор, который не считает себя в праве допускать подобных отзывов о целой партии; протестует и городской голова Руднев в виду того, что вина в предательстве большевиков еще не установлена. Изменение психологии ясно, если сопоставить эту позицию с определенным заявлением московской «Земли и Воли» (органа партии с.-р.) 7-го июля: газета тогда требовала «безоговорочного исключения большевиков» из «революционно-пролетарских представительных органов».

Ленин и Зиновьев не стали ожидать момента, когда эта вина будет «установлена», не стали ожидать и решения избранной ЦИК-ом комиссии – не питая «конституционных иллюзий» относительно суда, они с самого начала предпочли скрыться, вызвав некоторое смущение в рядах собственной партии. Официальная революционная демократия, представленная в советах, осудила, конечно, такое уклонение от суда и потребовала от большевицкой фракции «немедленного, категоричного и ясного осуждения такого поведения их вождей». «Вся революционная демократия – говорилось в резолюции объединенного заседания ВЦИК и ИКС.Кр.Д.-заинтересована в гласном суде над теми группами большевиков, против которых выдвинуты обвинения в подстрекательстве к мятежу и организации его, а также в получении денег из немецких источников»... Ответа на формальную резолюцию со стороны большевистской фракции, конечно, не последовало; но ответили в кронштадтской газете скрывшиеся Ленин и Зиновьев: они не желали отдавать себя в руки «разъяренных контрреволюционеров». Им вторил

легально Рязанов: «не выдадим старым коршунам своих товарищей». Шестой съезд большевистской партии, собравшийся в Петербурге в конце того же июля, единогласно признал правильным поступок Ленина и Зиновьева, ушедших в подполье. А революционная демократия, с своей стороны, поспешила забыть постановление о том, что «все лица, к которым предъявляются обвинения судебной властью, отстраняются от участия в Ц. К-тах впредь до судебного приговора». Она успокаивала свою совесть тем, что Ленин и Зиновьев «всегда готовы предстать на суд, как только будут обеспечены элементарная условия правосудия» (резолюция петербургского Совета 9 сентября).

Так постепенно шаг за шагом «вздорное обвинение» -по словам Суханова-«развеялось, как дым». Следственная власть продолжила по инерции свое расследование, и 22 июля было опубликовано запоздалое официальное сообщение прокурора петербургской судебной палаты о тех данных, которые могли быть оглашены без нарушения тайны предварительного следствия которые послужили основанием для привлечения Ульянова (Ленина), Апфельбаума (Зиновьева), Колонтай, Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкаго), Козловскаго, Суменсон, прап. Семашко и Сахарова, мичмана Ильина (Раскольников) и Рошалья в качестве обвиняемых по 51, 100 и 108 ст. уг. ул. в измене и организации вооруженного восстания. Органы революционной демократии вновь протестовали против такого оглашения материалов предварительного следствия, ибо – по словам Мартова в заседании ЦИКа 24 июля – тенденциозные сообщения готовят «настроение будущих присяжных заседателей». Забота о беспристрастности была излишня, пелена забвения уже покрывала «сенсации первых июльских дней». «Мы во «Власти Народа» – заключал свою статью 8 июля Гуревич – не смущаясь ни бранью одних, ни неумным опасением других, будем содействовать разоблачению низких преступников, пробравшихся в среду революционной демократии, будем требовать полного и беспощадного выяснения всего этого страшного дела. Это необходимо для спасения революции, которую большевики довели уже до самого края гибели»... Но «Власть Народа» не избегла общего удела – со страниц газеты постепенно исчезла повесть о «низкой и глупой», по словам большевиков, клевете. Осоргин находил уже вредным «размазывание германской агентуры»... в соответствии как бы с революцией ВЦИКа 4 августа о нездоровой атмосфере, которую создают огульные обвинения в шпионаже....

Таким образом не столько по соображениям беспристрастия и глубочайшего объективизма, сколько по мотивам революционной тактики

ликвидировалось дело о «государственной измене» большевиков: после корниловского «мятежа» они получили окончательную амнистию, и Рязанов с большой развязностью мог требовать в Демократическом Совецании исключения партии к.-д. «из среды общественных учреждений» за «прикосновенность к корниловщине». «Только общество, изуродованное трехлетней войной ..., воспитанное в рабстве – и могло так поверхностно отнестись к величайшему проявлению государственной измены» – писал впоследствии в Сибири (в омской «Заре» – № 14. 1919 г.) шлиссельбуржец Панкратов, первым поставивший свое имя под польскими разоблачениями...

Надо, однако, сказать, что этому обществу улики против большевиков в то время, очевидно, не представлялись достаточно вескими – тем более, что и официальное сообщение прокурорской власти далеко не всегда было убедительно сформулировано и наряду с *Warheit* заключало в себе дозу *Dichtung*. И это давало повод не только большевикам, но и представителям других социалистических течений (напр., тому же Мартову) обвинять правительственную власть за то, что к расследованию привлечены следователи, ведшие политические дела в период «щегловитовского неправосудия», о котором так много говорили в заседавшей одновременно Верх. Следственной Комиссии о должностных преступлениях представителей старого режима. Никто другой, как Короленко, признанный издавна как бы общественной совестью, чрезвычайно ярко высказал сомнения, оставшиеся у него после июльских разоблачений: «большевики – писал он журналисту Протопопову 23 июля – принесли много вреда вообще, но – что хотите в подкуп и шпионство вождей я не верю»... «Старая истина – добавлял наш писатель – нужно бороться только честными средствами, а Алексинский в этом отношении далеко не разборчив» (письмо опубликовано в «Былом», 1922 г.). Может быть, поэтому демократическая печать, и не принадлежавшая к социалистическому лагерю, в свою очередь не очень настаивала перед правительством на ускорение расследования дела о большевиках. Широкое общественное мнение удовлетворилось фактически признанием, что роль большевиков перед страной разоблачена: «ну, Ленин к нам больше не вернется»- как-то обмолвились «Русские Ведомости». Вопрос о роли немецких денег, к сожалению, вновь тал темой преимущественно уличной печати, опошлявшей, мам всегда, вопрос и на Временном Правительстве лежит значительная доля вины за то, что расследование преступления большевиков не было доведено до конца и покрылось флером отчасти общественного забвения. На этой почве возникла в

некоторых кругах роковая для последующего хода русской революции концепция, что Временное Правительство, находясь в зависимости от советов, своим авторитетом покрыло большевиков. Совет «не позволил расследовать обвинение, выставленное против большевиков» – категорически и безоговорочно записывает Бьюкенен в своем дневнике. Остается до некоторой степени психологической загадкой, как мог лично Керенский, сделавшись главой правительства после июльских дней, допустить иди вернее примириться с фактической ликвидацией дела о большевиках. Единственное объяснение можно найти только в том, что сам Керенский до известной степени поддался «советскому» гипнозу о грядущей контрреволюции, что и отмечено в воспомяющих английского посла. Действительно характерно, что глава правительства в речи, произнесенной во ВЦИК-В 13 (юля, ударным пунктом избрал угрозу подавить самым беспощадным образом всякую попытку восстановить монархию, а не искоренение большевистской «измены». В своих воспоминаниях Керенский придает делу большевиков такое значение, что говорит: «несомненно все дальнейшая события лета 1917 года, вообще вся история России пошла бы иным путем, если бы Терещенке удалось до конца довести труднейшую работу изобличения Ленина и если бы в судебном порядке документально было доказано это чудовищное преступление, в несомненное наличие которого никто не хотел верить именно благодаря его совершенно, казалось бы, психологической невероятности». Сам Керенский связь большевиков с немцами доводит до полной договоренности между сторонами, – далеко выходящей за пределы уплаты денег в целях развала России по представлению одних и получения их для осуществления социальной революции в представлении других. Керенский готов даже установить прямое координирование обоюдных действий – ударов на фронте и взрывов внутри страны. Эту неразрывную связь он видит и в июльских событиях, последовавших за тарнопольским прорывом. Керенский рассказывает, что при личном обходе боевых позиций на западном фронте у Молодечно он застал солдата, читавшего газету «Товарищ» (одно из изданий германского командования на русском языке), в которой «недели за две» до петербургских событий сообщалось о них, «как уже о совершившемся факте». Керенский мог бы процитировать еще откровенное по своей циничности более позднее письмо Ленина, писавшего 26 сентября Смиглу (письмо было направлено доверительным путем в Выборг) о подготовке октябрьского переворота и толкавшего Смиглу на выступление в Финляндии в виду ожидаемого немецкого десанта. В письме к Смиглу, между прочим, заключалось весьма

двусмысленное предложение: «наладить транспорт литературы из Швеции нелегально» (IV т. «Ленинского Сборника»). Ленин предусмотрительно просил Смиглу сжечь это письмо, но Смигла просьбу его не выполнил. По словам Керенского, за десять дней до октябрьского восстания правительство из Стокгольма получило аналогичную июльским дням прокламацию немецкого происхождения. До некоторой степени все это соответствовало действительности. Недаром министр иностранных дел Австро-Венгрии Черни после октябрьского переворота писал одному из своих друзей: «Германские военные... сделали, как мне кажется, все, чтобы свергнуть Керенского и поставить на его место нечто другое»

То, что было ясно австрийскому дипломату, не могло проникнуть тогда в толщу народного сознания. Такая концепция была чужда значительной части русской интеллигенции. Когда ген. Алексеев в заседании 15 августа московского Государственного Совещания говорил о немецких марках, которые «мелодично звенели» в карманах тех, кто «выполнял веления немецкого ген. штаба», это уже не производило должного впечатления и скорее вызывало раздражение в левом секторе Совещания.. О немецких деньгах не вспомнили и в дни октябрьского большевистского переворота. Вопрос оставался открытым – вес в той же стадии судебного расследования, которым удовлетворилась в июле общественная совесть. Жизнь не стояла на месте и не могла, конечно, ждать объективных результатов трехмесячных изысканий правительственных следователей. Лучшей иллюстрацией к сказанному может служить сцена, отмеченная стенографическим отчетом о втором нелегальном задании московской Городской Думы, распущенной новой властью и собравшейся 15 ноября в здании Университета Шанявского. В зал, где происходило заседание, появляется отряд красноармейцев во главе с комиссаром Рыковым, предъявив требование Военно-Рев. Комитета очистить помещение. С разных скамей раздаются голоса: «Сволочи, шпионы немецкие, мерзавцы». Председатель собрания с.-р. Минор предлагает перейти в другое помещение. Прис. пов. Тесленко заявляет протест: «Мы все в своей продолжительной работе, в борьбе с разными предателями и слугами самодержавия, а теперь слугами немецких шпионов, которыми являются Ленин и Троцкий, неоднократно подвергались насилию.... Мы должны просить председателя оставаться спокойно на своем месте и продолжать заседание, пока не будет применена физическая сила». С.-Д. (объединенец) Яхонтов, присоединяясь к предложению Тесленко, однако, решительно протестует против «неуместного» выражения представителя партии к.-д. о том, что

мы имеем дело с «предателями и изменниками». Тесленко: «Они шпионы, потому что имеются судебные законно установленные акты, признающие их шпионами». Председатель; «Я снимаю этот вопрос с дальнейшего обсуждения. Вопрос о том, кто шпион или не шпион, есть дело суда. Мы не призваны этого разбирать»

И в драматический момент торжества силы над правом люди все еще старались сохранить псевдоисторическое чувство объективности! Во имя этой кажущейся объективности Чернов в позднейшем (21 г.) открытом письме Ленину вспоминал, как он считал долгом чести защищать его перед петербургскими рабочими, «оклеветанного и несправедливо заподозренного», хотя отчасти и «по собственной вине, в политической продажности».

4. Американская сенсация

Случилось так, что те, кому в июле предъявлено было обвинение в «измене», в ноябре оказались у власти.... Почти через год, в октябре 1918 года, в Америке появился сборник документов (в количестве 70), разоблачавших всю подноготную «германо-большевистского заговора». Документы получены были зимою 1917– 18 г. г. в России правительственным агентом «комитета общественной информации» Соединенных Штатов, Сиссоном. Они в подлинном смысле были сенсационны, так как устанавливали очевидный факт неоспоримого получения денег большевиками. В предисловии к официальному изданию сообщалось, что вашингтонский комитет располагал или подлинниками этих документов или фотографиями с них. Так обстояло с первыми 54 номерами.

В приложении воспроизводилось 15 документов, быть может, еще более значительных по содержанию, но относительно их делалась оговорка, что воспроизводятся здесь лишь копии, сделанные на пишущей машине и распространяемые в России в антибольшевистских кругах. Эти копии, как можно было предполагать по циркулировавшим слухам, исходят от контрразведки Временного Правительства или даже от разведки еще царского времени. Подлинность их при сопоставлении с «оригиналами», подлинники которых доставлены Сиссону, не вызывали никаких сомнений у публикаторов. В первой серии можно было прочитать, например, протокол изъятия большевиками 2 ноября 1917 года (в архиве министерства юстиции) из досье «измена» товарищей Ленина, Зиновьева и др., распоряжения германского имперского банка от 2 марта 1917 года о денежных суммах, ассигнованных Ленину и Ко для пацифистской пропаганды в России; а в приложении находилось уже прямое указание о количестве германских марок, вносимых на счет Ленина в Кронштадте, или уведомление от 21 сентября Фюрсенберга-Ганецкого об открытии в Стокгольме варбургским банком, по распоряжению рейхсбанка, счета на «предприятие тов. Троцкого». В основных документах имелось и «весьма секретное» сообщение представителя рейхсбанка комиссариату ин. дел в Петербурге о переводе в январе 18 года 50 мил. руб. в распоряжение Совета народных комиссаров для покрытия расходов по содержанию красной гвардии и агентов-провокаторов, т. е. свидетельство, что и после захвата власти большевики продолжали получать деньги от немцев.

До официального опубликования содержание части «документов» было сообщено газетами, и тогда же было высказано сомнение в их подлинности – вернее утверждалось, что здесь на лицо определенный подлог. В силу этого документы были переданы на рассмотрение специальной комиссии в составе двух профессоров, Джемсона и Гарпера, которые и вынесли компетентное суждение: относительно первой серии нет никаких оснований сомневаться в их аутентичности; в отношении же копий, данных в приложении, нет полной гарантии их точности, но по существу нет и никаких оснований отрицать их подлинность. С таким заключением комиссии экспертов документы и были опубликованы информационным комитетом в Вашингтоне. Оставим совершенно в стороне возражения, которые были сделаны в печати, и противоположную аргументацию экспертизы американских специалистов. И то и другое не имеет значения, ибо и критика и защита подлинности сводилась преимущественно к мелочам, к номенклатуре учреждений, к второстепенному вопросу о старом и новом стиле и т. д. Обе стороны по существу мало разобрались в чуждых им делах и отношениях. В результате этого формального исследования текста ничего нельзя было сказать – ни о подлинности, ни о подложности документов.

Реабилитация вашингтонского собрания материалов о большевиках комиссией экспертов делу не помогла. Издание было уже опорочено, и на него постепенно перестали ссылаться. Установившееся мнение в среде иностранцев, критически разбирающихся, можно было бы охарактеризовать словами Массарика: «не знаю, сколько за них дали американцы, англичане и французы, но для сведущаго человека из содержания сразу было видно, что наши друзья купили подделку». Для нас гораздо большее значение могут иметь суждения русской стороны и особенно суждение авторитетного историка Милюкова, совмещавшего в своем лице и знания компетентного политика, который вращался в самой гуще современных событий. Вот что писал Милюков по поводу американских документов 3 апреля 1921 года в «Последних Новостях»: «В конце декабря 17 г. в штабе добровольческой армии в Новочеркасске был получен из Петрограда со специальным курьером ряд документов, являвшихся дополнением к тем, которые были напечатаны в дни июльского выступления большевиков.

..... Ссылки под документами не оставляли никаких сомнений в происхождении этих документов. Это были данные, приобретенные агентами союзной разведки. Документы носили все внутренние признаки достоверности». Милюков приготовил комментарии к ним, но не мог их

напечатать, так как Ростов был взят большевиками. Речь идет о тех самых «документах» (конечно, только о копиях), которые напечатаны в американском издании в приложении. Статья Милюкова служила предисловием к серии очерков небезызвестного журналиста Е. Семенова «Германская деньги у Ленина», напечатанных в «Посл. Новост.». Этот человек «не нашего лагеря», как охарактеризовал его редактор газеты, и оказался тем посредником, через которого Сиссон приобрел документы.

Семенов рассказал, как он, в как он в качестве заведывающего редакцией «Демократического Издательства», созданного между союзной комиссией пропаганды во время пребывания в Петербург французского министра социалиста Тома (апрель-май 17 г.), вошел в сношения с разными представителями «союзных учреждений» и миссией и при содействии «известного экономиста, редактора распространенного органа печати», который вел определенную кампанию против германского шпионажа, прежде всего передал, в феврале 18 г., Сиссону для правительства Соединен. Штатов список нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших в России и за границей. Список был получен из «определенных нейтральных источников». Надо иметь, однако, в виду, что не только орган упомянутого «экономиста», но и «Вечернее Время», сотрудником которого состоял Семенов, и суворинская «Маленькая Газета» давно уже и систематически занимались розыском во время войны подозрительных «немецких» фирм. Они опубликовывались в подходящий момент на страницах указанных газет, и эти публикации подчас стояли на грани шантажа-так было, по крайней мере, в Москве, с московским «Вечерним Временем».

Газетная кампания находилась в тесной связи с деятельностью тогдашней контрразведки – трудно сказать, кто кого инспирировал. В архиве последней (речь идет о петербургской контрразведке) имелись, например, «огромные томы» дел о мародерах, шпионах, «подозреваемых в шпионстве», «тайных германофилах» и.т.д. в списки которых люди зачислялись чаще всего по расовому признаку, по фамилии, по тайному доносу. По показаниям одного из сотрудников, данным в апреле 17 г. («Былое» 1924 г. М 26), для девяти десятых этой публики не было никакого основания занесения их в «список подозрительных», размеры которого должны были служить лишь признаком «продуктивной работы». «Под пьяную руку» чиновники признавались: «всего бы проще вписывать в этот список всех жителей по «Всему Петрограду», исключая лишь особ двора». Вероятно, «ренегат» дал некоторую карикатуру. Но все-таки, очевидно, не было надобности инициаторам кампании 18 года искать

каких то «нейтральных источников» – они были под рукой. Я остановился на этой стороне дела только потому, что свидетельства, выходящие из литературной среды такого показного «патриотизма», сами по себе, не имеют для меня большой достоверности. Семенов со своими друзьями, пристроившимися «чиновниками» в Смольном, в дальнейшем организует «правильное получение сведений о деятельности большевиков». «Чиновники», находившиеся в Смольном, передавали организации Семенова все «интересные бумаги», поступавшие от разных «комиссаров, большевистских учреждений и германского штаба». В начале риск, связанный с работой, заставлял ограничиваться «копиями», но в конце концов удалось наладить «съемку фотографий с документов», при чем «наиболее боевые и интересные документы» передавались «на одну ночь» и к утру «возвращались на свое место». «Иногда» передавались и оригиналы документов. А то коллегам Семенова и ему самому удавалось проникать в Смольный с фотографическими аппаратами и чуть ли не на глазах Урицкого снимать документы. При переезде Совета Народных Комиссаров в Москву члены семеновской организации применили ловкий прием. Заметив, в каких ящиках находятся интересные документы, они сообщили матросам, оберегавшим ящик, что в этих ящиках спрятано золото. В ту же ночь большинство ящиков было взломано – так яко бы удалось похитить оригиналы некоторых документов. Кроме того, «другая наша организация, чисто военная – сообщает Семенов – ухитрилась отвести прямой провод с линии БрестЛитовск-Петроград и перехватывать таким образом «все сообщения».

«Разумеется – добавляет рассказчик – мы, члены организации, не получали ни копейки из сумм, которая шла на добывание «документов» и которые в общем должны были идти в фонд, каковой мы определили в размере таком, чтобы в среднем досталось каждому работнику на месте по 5.000 руб. на случай необходимости бегства»... «Я должен, однако, сказать – продолжает Семенов, – что к этому делу, выражаясь вульгарно, примазались разные дельцы, которые не только торговали нашими же документами, но и сочиняли свои. Дело было так. Уже в ноябре я дал кое-какие документы одному крупному титулованному деятелю для пересылки в Новочеркасск. Этот деятель снял себе копии для продажи знакомому посольству, где мне об этом немедленно сообщили... Некоторые из работников передавали за свой страх и риск также фотографии и своим знакомым из других более мелких организаций... Таким образом, копии и фотографии стали попадаться в руки большевиков и господ из юсуповского дворца. Немцы и большевики начали тогда

пускать в обращение не только подложные документы, но и фальсифицированные настоящие».... «Наша организации, конечно, не могла отвечать за все документы, фотографии которые распространялись разными спекулянтами и большевистскими и немецкими агентами». Такое объяснение дается тем циркулярным копиям, которые курсировали в России и попали в приложение к американской серии.

Им противопоставляются документы – «около 50», которые Семенов лично передал Сиссону, указав и степень их достоверности и источник их происхождения. Получив документы, американский правительственный агент 3 марта уехал в Америку. Семенову также было предложено поехать за границу и заняться разоблачением большевиков, но Семенов отказался, так как не мог «оставить Россию в разгар борьбы». Семенов отправился на северный фронт гражданской войны и там, среди других «правых», подрывал антибольшевистский фронт, возглавленный «левыми». На повторное предложение американского посла Френсиса, в начале 19 года, поехать в Америку, Семенов снова уклонился, так как не мог оставить Архангельска. Приходится об этом пожалеть, ибо Семенов мог бы оказать большую услугу вашингтонской комиссии по разъяснению смысла и значение документов. Не крылась ли, однако, подлинная причина непонятого отказа в другом? – в том самом, о чем говорит Массарик в своих воспоминаниях.

В сопроводительной статье Милюков очень высоко оценил комментарии к источникам происхождения американских документов, который дал Семенов. «Статьи г. Семенова ставят весь вопрос на совершенно новую почву» – писал Милюков. «Их вывод совпадает с убеждением, которого я все время держался. Документы подлинны: по крайней мере подлинна большая часть их, а относительно другой должно быть произведено при участии г. Семенова дальнейшее расследование». «Если бы показание Семенова было известно раньше, то не было бы никакой нужды искать какое либо другое доказательство, что Ленин получал германская деньги. Доказательства все содержатся в этих документах, давно известных, но до сих пор незаслуженно игнорировавшихся.....

Признавая за разоблачениями Семенова несомненно «выдающийся политически интерес», Милюков заканчивал статью словами: «Их значение, во всяком случае чрезвычайно важно для истории, которой отныне возвращается право – пользоваться заподозренными документами, внутренняя достоверность которых была для меня лично и ранее вне сомнений.

Получив это «право», Милюков в качестве историка революции 17-го года в III вып. своей «Истории» (1923 г.) пользуется американскими документами, сделав, однако, оговорку, что он пользуется теми из них, которые в вашингтонском издании напечатаны в приложении «мелким шрифтом». Данные эти собраны, – утверждал Милюков – «вероятно» русской и иностранной разведкой. Именно те документы, о которых комиссия.

экспертов сделана специальную оговорку и к которым должны быть отнесены слова Семенова о фальсификации, Милюков несколько неожиданно счел наиболее достоверными.

Первый же документ из основной группы, о котором выше упоминалось, при рассмотрении его по существу повергает в полное недоумение. Он из выдерживает элементарной критики. 16 ноября 1917 г. по поручению комиссариата иностр. дел, уполномоченные последнего доводили до сведения Совета народных комиссаров, что, согласно решению совещания народных комиссаров (Ленина, Троцкого, Подвойскаго, Дыбенко, Володарскаго), ими произведена выемка из архива министерства юстиции в досье об «измене» товарища Ленина, Зиновьева, Коаловскаго, Колонтай и др. распоряжением имперского банка за М 7.433 3-го марта 1917 г. о предоставлении денег Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Сумепсон, Козловскому и пр., для пацифистской пропаганды. Затем были провыверены все книги Ниа-Банка в Стокгольме, в которых имелись счета Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по распоряжению немецких банков. Книги были переданы некоему тов. Мюллеру, специально командированному из Берлина. Уведомление в Совет нар. комиссаров было подписано Поливановым и Залкиндом.

Приведенный документ должен быть сопоставлен с другим, значащимся под № 3 и воспроизводящим «протокол» 2 ноября 17 г. об извлечении из архива Департамента Полиции, по распоряжению Совета нар. комиссаров и по приказу представителей немецкого штаба в Петербурге, циркуляра ген.- штаба от 9 июня 1914 г. о мобилизации немецкой промышленности и циркуляра 28-го ноября об отправке во враждебные страны специальных агентов для уничтожения материальных складов противников. Прежде всего возникает вопрос: кто такие Поливанов и Залкинд, выполнявшее столь ответственное поручение уже начиная со 2-го ноября, т. е. в первый день, когда, может быть, Троцкий появился в комиссариате ин. дел. Вот как сам Троцкий рисовал на вечере воспоминаний 7 ноября 1920 г. обстановку в первый день своего комиссарства – в полном соответствии с тем, что мы знаем с другой

стороны: «Когда я один раз приехал, причем это было не в первый день, а дней через 5–7 после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет. Какой то князь Татищев сказал, что служащих нет, не явились на работу. Я потребовал собрать тех, которые явились»... «Но – признает Троцкий – я ушел не солоно хлебавши. После этого Маркин арестовал Татищева, барона Таубе и привез их в Смольный, посадил в комнату и сказал: «Я ключ достану через несколько дней»... и когда Маркин вызвал меня дня через 2, то этот Татищев провел нас по всем комнатам» ... При Маркине терся молодой человек лет 25, без руки, фамилия его, кажется, Поливанов, приват-доцент... работал он не на секретных ролях. Кто рекомендовал его Маркину, не знаю. Там был из партийных Залкинд. Маркин его более или менее усыновил. Но потом оказалось, что Поливанов был членом союза русского парохода.... обнаружил.... большое пристрастие к спиртным напиткам и даже были сведения, что он принимал разные приношения». Вероятно ли, что Поливанов мог исполнить ответственные поручения, да еще стоять по подписи на первом месте по сравнению с Залкиндом?

Вероятно ли, что 2-го ноября в указанной обстановке представители комиссариата иностр. дел могли уже изымать копии из архива департамента Полиции? Зачем немцам надо было, если они даже фактически это могли, проявлять такую необычайную спешность по изъятию циркуляра своего генеральшафта на другой день после крушения гатчинского фронта, т. е. наступления отряда Керенского-Краснова на Петербург, когда большевики отнюдь не чувствовали себя еще победителями, и им не было дела до старых циркуляров, к тому же, как мы знаем, еще и 15 г. опубликованных французским министерством иностранных дел и свидетельствующих лишь о подготовке Германией войны? Подобный «протокол» 2-го ноября составлен быть не мог – это ясно. Также совершенно невероятно и уведомление Совета, народных комиссаров об изъятии, произведенном не позже 16-го ноября, из досье «измена Ленина» распоряжение Рейхсбанка от 2-го марта 17 г. Непонятно, почему изъято это было произведено по инициативе части членов Совета народных комиссаров, к числу которых документ относит и лиц, не входивших в состав управляющей головки (напр. Володарского). Надо предположить, что «педантичный нотариус» революционного дела почему то вдруг снова проявил необычайную наивность, открыто поручив неизвестному ему Поливанову изъять самый компрометирующий документ. Еще большее легкомыслие надо допустить со стороны отошедшего в небытие Временного Правительства, которое на полках

архива министерства юстиции, в папке об измене большевиков, имело убийственный документ против Ленина и молча хранило его. Надо допустить болезненное ослабление памяти членов Временного Правительства и деятелей контрразведки, настаивающих так определенно на преступности руководителей большевизма и умалчивающих в своих позднейших воспоминаниях о тех прямых уликах, которая были в их руках. Поливанов и Залкинд уже 16 ноября могли проверить официальная книги стокгольмского банка – допустим, даже «большевистского как утверждает комментатор американских документов, отмечая приезд в Петербург в январе 18 г. одного из директоров Нио-банка, американца Олафа Ашберга. Все это так несуразно, не говоря уже о самой довольно таки странной комбинации имен в документе от 2 марта, что не стоит подвергать текст дальнейшей критике. Как этот «документ», так и многие другие, поражают своей неряшливостью, которую можно объяснить только неприязнительностью мало в чем разбиравшихся и наивных покупателей. Некоторые фамилии, которые появляются на фотографических пленках, как, например, Механошнн, Иоффе (документ № 3) в значительной степени объясняются случайной возможностью для фальсификаторов доказать аутентичность той или иной подписи и придать авторитет всему документу (у Семенова имеется и соответствующий рассказ о такой «случайной возможности». Первая серия в сущности касается связи большевиков и немцев после переворота – уличающий материал о 17-ом годе врывается лишь случайным штрихом в документы 18 г. Напр., в документе № 5 русское отделение немецкого генерального штаба сообщает 25-го октября о посылке в Россию офицеров, хорошо знающих русский язык и обычая страны, – посылаются эти немецкие офицеры согласно де решению, принятому на польском совещании представителей генерального штаба и демократа революционной России в лице Ленина, Троцкого, Раскольниковова и Дыбенко. Документ 35 уже расширяет рамки польской конференции в Кронштадте (это после изобличения и бегства Ленина и Зиновьева из Петербурга!) и говорит об участии в ней Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольниковова, Дыбенко, Шишко, Антонова, Подвойскаго, Крыленко и Володарскаго – конференция эта постановила организовать военнопленных в особый корпус, одетый в русскую военную форму... Основной целью документов, собранных комитетом Сиссона, являлось представление правительству Соединенных Штатов материала, который свидетельствовал бы о продолжающейся связи большевиков с немцами – это должно было «противодействовать тенденции признания советской власти, которую вкупе с другими

проводил, например, представитель американского красного креста Робинс. Вероятно, поэтому и сочинено было послание от 8 января 18 г., говорившее об ассигновании 50 мил. руб. на содержание красной гвардии.

Слишком очевидно, что утверждение об аутентичности материала первой серии вашингтонского издания должны быть отброшены. Эти документы не могут служить историческим источником для выяснения вопроса о договоре большевиков с немцами и о получении первыми денег. Скорее они могли бы послужить на пользу теории о «легенде». Какое же значение могут иметь захваченные документы, напечатанные «мелким шрифтом» в приложении, - те самые, которые выделил Милюков, как полученные из другого источника? Среди них, хронологически относящихся к 1914–15 г. г., по какой то странной случайности фигурирует циркуляр имперского банка 2-го ноября 17 г., адресованный представителям Ниа-банка, Дисконте и др. и гласящий, что между имперским банком и русскими революционерами Зиновьевым и Луначарским закончены переговоры, согласно которым имперский банк обязался поддерживать пропаганду в России при условии, что пропаганда эта будет находиться в соответствии с деятельностью немецких армий на фронте. Циркуляр пояснял, что указанные революционеры обратятся через посредство финансистов, среди которых перечислялись Рубинштейн, Варбург и Парвус. В моей копии «документ» этот отнесён по крайней мере более соответственно к 1915 году.

Переговоры большевиков в ноябре 17 года через банкира Рубинштейна уже слишком бросаются в глаза своей фантастичностью. Документ № 69 от 18 июня 17 г. ставит последнюю точку: представитель копенгагенского банка Гаагаеиа Свенсон уведомляет Руффнера в Гельсингфорсе, что Дисконте внесло на счет Ленина в Кронштадте 315 т. марок. И уже совсем сенсационное сообщение Фюрстенберга Рафаилу Шауману в Гапаранде 21 сентября о том, что банкирский дом Варбурга, согласно телеграмме рейнско-вестфальского синдиката, открыл счет для «предприятия товарища Троцкого – на покупку оружия и организацию его транспорта». 9 октября Фюрстенберг спешит уведомить «господина Антонова» в Гапаранде, что просьба «товарища Троцкого» выполнена и что со счета Синдиката взято 400 т., который переданы тов. Соне – она обратится к Антонову о этом письмом и внесет ему указанную сумму. Последнюю телеграмму Милюков цитирует без всяких оговорок, считая достоверность ее вполне убедительной, – еще раз приходится повторить: неужели контрразведка, имея такие сенсационные материалы, хранила их про запас для проблематичного суда и оперировала с теми, что

большевики окрестили «переверзевскими фальсификациями»? По существу же можно ли допустить, что Ганецкий, достаточно осведомленный о судьбе своих ближайших товарищей, мог бы передавать Антонову 19 сентября старого стиля, что деньги в размере 400 тыс. крон. на «предприятие товарища Троцкого» будут переданы ему «тов. Соней» (во французском тексте, Милюков цитирует «Сеня» – Суменсон). Неужели Суменсон, находившаяся под арестом и выпущенная под залог 21-го сентября, могла в то время фигурировать на ролях посредницы?... Нет, без всяких колебаний нужно отвергнуть всё эти сенсации, как очень грубую и неумную совершенную подделку.

Может быть, и нет надобности разбирать всё сенсации, имеющееся в «документах» обеих серий. Своими примерами я далеко их не исчерпал. Неотложно, однако, встает вопрос, почему же большевистская историография так упорно замолчала материал, столь легко поддающийся разоблачению? Объяснение может быть только одно – нет дыма без огня. Очевидно, не всё документы представляют собой фальсификацию, В этом отношении Милюков прав. Только комиссионеры Сиссона не «иной раз подкладывали» к подлинным сообщениям «сочиненные ими при помощи приобретенных ими знаний и бланков», а делали это всегда, когда нужно было рядовые документы сдобрить сенсацией. Так обстоит дело и в первой серии и во второй. Порочное зачатие лишает возможности пользоваться ими, ибо критерием будет только ощущение правдоподобия – «внутренняя достоверность», которую каждый будет толковать слишком субъективно. Приведу один пример, относящийся к числу тех документов, которые напечатаны в «приложении». Нет никакого основания отвергать немецкие циркуляры 1914–1915 г. г., которые касаются действий, долженствовавших разлагать стан противников (провокация внутренних волнений, возбуждение гражданской войны, проповедь сепаратизма, помощь крайним политическим партиям – и в частности русской эмиграции. Подобные документы, дней доверительно, могли быть заимствованы из бумаг бывших архивов Департамента Полиции, до некоторой степени разошедшихся в дни революции по частным рукам или скопированных теми, кто владел ими до революции и кто имел связи с посредниками, передавшими материалы в союзные миссии. Могли встречаться здесь прямые указания на денежные связи представителей большевистской партии с немцами.

Советские историки с большой охотой цитируют показания быв. Начальника Петербургского Охранного Отделения ген.-м. Глобачева, которые имеются в архивных папках июльского «дела»: «Таковыми

сведениями, чтобы Ленин работал.... на германские деньги охранное отделение, по крайней мере, за время моего служения не располагало». Когда свидетельство в пользу большевиков, историки советской школы готовы даже забыть свои утверждения, что никаким показаниям, вышедшим из недр департамента, верить нельзя. Но как раз в данном случае показания ген. Глобачева могут вызвать сомнения – к тому же мы знаем их только по отдельным цитатам, сделанным чужими руками. Отставленные и преследуемые революционной властью представители департамента полиции, может быть, и не имели особого стремления дискредитировать деятельность большевиков – кто знает? Некоторые, возможно, косвенно и сочувствовали ей, как деятельности, разлагающей революцию.

То, что сказано про документы из «приложения», с таким же правом может быть повторено и в отношении материалов первой серии. Ее сенсация по своей «внутренней достоверности» имеет такую же цену. Но очень правдоподобны выступающие в документах данные, которые свидетельствуют о совместной деятельности большевистского правительства с представителями германского штаба еще до заключения Брест-Литовского мира. Совместные действия были, только едва ли они приняли столь открытые и прямолинейной формы, как подчас рисуют документы, доставленные Сиссону агентами Семенова. Правдоподобны не только такие сообщения, которые передают, например, предложение немецкого командования Крыленко (8 января) прислать 10 офицеров для отправки в Варшаву в целях пропаганды мира в лагерях военнопленных (№ 20), по и такт, которые говорят о более тесном взаимоотношении, вплоть до установления совместного сыска над союзными миссиями и пр. Двойная бухгалтерия, которую в своей политике проводит советская власть в дни Бреста, когда в Москве в период мирбаховского владычества соглашение доходило почти до создания общей контрразведки и когда эсэровское «Дело Народа» напрямик писало: Ленин, Троцкий – «все это псевдонимы гр. Мирбаха», допускает многое на того, что рассказано в вашингтонском издании о взаимоотношениях Совета народных комиссаров и русского отдела немецкого генерального штаба. Большевики находились всецело в зависимости от немцев, колебавшихся в своих решениях. Едва ли, однако, это «русское отделение» германского командования появилось в соответствии с соглашением Ленина, заключенного им в апреле 17 г., при проезде через Стокгольм или на еще более сомнительной польской конференции в Кронштадте. Но военные представители должны были появиться в миссию, прибывшей во главе с

гр. Кейзерлингом в середине декабря в Петербург формально с специальной целью урегулировать вопрос о военнопленных.

Миссия находилась, конечно, в непосредственном контакте с основными переговорами, которые то велись, то прерывались в Брест-Литовске. Маленький эпизод, проникший на страницы легальной тогдашней антибольшевистской печати, может служить иллюстрацией к характеристике того положения, которое занимала миссия Кейзерлинга в Петербурге. Эпизод этот на столбцах «Послед. Нов.» был рассказан в дополнение к тем фактам о большевистско-немецком альянсе в 18 году, которые приводил я в статье «Приоткрывающаяся завеса», одним из бывших редакторов петербургской газеты «Дей» – Загорским. Он только ошибочно отнес свой рассказ к дням, следовавшим за подписанием Брест-Литовского мира – миссия Кейзерлинга прибыла в Петербург в начале декабря, и статья в «Дне», о которой будет идти речь, была напечатана в газете 15-го декабря. Хроникеру газеты удалось, получить интервью с Кейзерлингом, в котором глава немецкой миссии «весьма высокомерно» говорил о будущих отношениях между Германией и Россией. На вопрос – предполагают ли немцы оккупировать Петербург, Кейзерлинг ответил: до поры до времени операция с Петроградом не входит в планы немцев, но она станет возможной и даже неизбежной, если в столице возникнут беспорядки. «По всему содержанию и по всему тону заявления Кейзерлинга было ясно – говорит Загорский – что под беспорядками в данном случае подразумевались беспорядки, направленные против советского правительства, которое, по всей вероятности, не будет чинить препятствий такой операции». 17 декабря в «Правде» народным комиссаром по иностранным делам было напечатано опровержение от имени гр. Кейзерлинга, возмущенного досужей фантазией корреспондента «Дня», – никакого интервью гр. Кейзерлинг не давал. Редакция «Дня» направила своего сотрудника к Кейзерлингу, который подтвердил свою предшествующую беседу и рассказал, что к нему обратился от имени Троцкого Залкинд с просьбой опровергнуть опубликованное. Кейзерлинг категорически отказался. «День» напечатал вторую беседу с главой немецкой миссии. 19-го декабря в официальных «Известиях» можно было прочитать уже опровержение, подписанное самим Троцким, в котором опровергалась, однако, не беседа с гр. Кейзерлингом, а первое опровержение народного комиссара по иностранным делам: «характерный тон сообщения – писал Троцкий – слишком ясно свидетельствовал о том, что этот документ не мог исходить от комиссара по иностр. делам»

Красочная обстановка. Она делает многие факты, регистрируемые

вашингтонскими материалами, очень близкими к действительности. Но где все-таки критерий для суждения? Верно, не так трудно иногда отличить домысел от возможной правды и выделить искусственное наслоение – но для нашей задачи такой анализ имеет второстепенное значение, так как взаимоотношения большевиков и немцев после октябрьского переворота, после развала фронта и начала мирных переговоров совершенно особая глава .которую можно было бы, пожалуй, начать телеграммой, присланной Ленину 5

ноября хорошо нам известным Ганецким как бы по старому в товарищеском порядке и воспроизведенной тогда же в № 219 «Дела Народа»: «Едем Петроград экстренным поездом. Имеем очень важное поручение. Желательно немедленно встретиться». Тогда же петербургский орган пар. соц.-«Народное Слово», напечатал открытый запрос Смольному по поводу переговоров с немцами.

В зависимое положение от немцев Совет народных комиссаров попал не только потому, что в свое время Ленин получал деньги. То были отношения победителей к побежденным, когда молча приходилось принимать предписываемые условия мира. Конечно, из песни слова не выкинешь, и генерал Гофман своим высокомерным и вызывающим поведением в Брест-Литовске дал большевикам «очень ясно почувствовать», по выражению Бернштейна, что он их «вдвойне» держит в своих руках. Иллюзия Троцкого, что «германский кайзер» будет разговаривать с ним, как «равный с равным», исчезла, как сон.

5. 50 миллионов марок

Выступление Эд. Бернштейна и его открытое заявление о деньгах, полученных Лениным, легло тяжелой гирей на чашу обвинения тех исторических весов, на которых взвешиваются pro и contra легенды о немецком золоте. «Для международной социал-демократии – заключал свою статью Бернштейн – эта темная глава должна быть освещена, прежде всего, с точки зрения политической морали рабочих партий. Если я верно информирован, то Ленин в свое время заявил, что его дело, откуда он берет деньги. Не интересуясь намерениями лиц, снабдивших его деньгами, он использовал последние для осуществления социалистической революции. Что он так поступал, этого нельзя отрицать. Но это еще не исчерпывает дела. Такими доводами может быть оправдана любая самая нечистоплотная политическая авантюра. Куда бы завел нас социалистический интернационал, если бы он допускал такие политические правила поведения».

Статья Бернштейна вызвала негодование в немецких коммунистических кругах. «Эдуард Бернштейн, как за границей, так и в Германии считайся до сего времени человеком честным, а не простым сплетником, писала Роте Фанне – потому мы приглашаем Бернштейна назвать имя информировавшего его лица для того, чтобы мы могли на суде дать этому клеветнику ответ». «Если же Бернштейн этого не сделает, то нам придется публично назвать его не только сплетником, но и клеветником». Коммунистический депутат рейхстага Дюведль внес запрос имперскому правительству, а Бернштейн еще раз подтвердил немецкое происхождение своих данных, не имеющих никакого отношения к документам, опубликованным вашингтонской следственной комиссией, – и предложил редакции «Роте Фанне или «кому-либо из законных представителей Ленина» привлечь его к суду. Соглашаясь выждать ответ правительства, Бернштейн заявил, что он поднял это дело не для того, чтобы замолчать его. Но, тем не менее, выступление Бернштейна очень скоро было переведено на «запасный путь». Демократическое правительство ответило формально; в министерстве иностранных дел данных по этому делу не имеется. Берлинскую печать ответ фон-Симонса не удовлетворил, вопрос перешел в комиссию рейхстага, которая занималась расследованием причин войны, и здесь, в конце концов, был похоронен. Очевидно, на престарелого Бернштейна было оказано сильное давление со стороны социал-демократических кругов, заставившее его отказаться от

дальнейших разоблачений...

В 1921г. в Париже на французском языке вышла книга о Ленине, написанная Алдановым – писателем, которому нельзя отказать в острой исторической наблюдательности. Алданов не может быть отнесен к числу тех представителей социалистической среды, которые так часто в своих оценках оказываются как бы загипнотизированными демократическими предрассудками и во имя призрачных интересах

современности боится вскрывать жестокую правду. Алданов вспоминал дни революции 1917 года, когда многим социалистам, которые издавна знали Ленина и числились некогда в рядах его друзей («я мог бы назвать имена очень известные утверждал писатель), немецкая авантюра Ленина оказалась не только возможной, но и очень вероятной. Алданов не анализировал материала, который мог быть в то время в его распоряжении (июльские разоблачения прошли как бы мимо его сознания) и тем не менее приходил к выводу, что – до сих пор нет данных для утверждения, что Ленин получал деньги от правительства Вильгельма II. В пользу такого заключения, по мнению писателя, говорило то обстоятельство, что демократическое немецкое правительство, у которого не было никаких оснований любить большевиков и которому были открыты все секретные фонды, не стало бы скрывать документов, могущих скомпрометировать опасных противников. Почему Шейдеман, Бауер, Давид, Мюллер будут молчать? На их молчание не могли повлиять предусмотрительные соображения, что Германия не может дезавуировать своих секретных агентов, услугами которых могла бы еще воспользоваться,— конечно, ставить Ленина в ряды обычной агентуры было бы достаточно наивно. Книга Алданова была выпущена еще до выступления Бернштейна, т. е. до того момента, когда один из наиболее заслуженных вождей немецкой социал-демократии открыто заявил, что ему точно известно о получении Лениным денег от старого германского правительства. Откуда получил сведения Бернштейн?

Возможно, что история в будущем откроет источники этой информации и что в архивных тайниках найдутся более документальные следы использования большевиками немецких «секретных фондов». Из авторитетного источника я слышал, что главным информатором Бернштейна явился сам Ранцау, в условиях как будто бы несколько напоминающих обстановку, при которой некогда Бурцеву в поезде удалось вырвать признание у бывшего начальника департамента полиции Лопухина относительно Азефа. И тут само собой выдвигается фигура Шейдемана. Можно ли поручиться, что лидер немецкой социал-

демократии так или иначе, не только прикоснулся, но и санкционировал националистическую авантюру 17го года? Как характерно, что в воспоминаниях «Der Zusammenbruch», изданных в 1921 г. кстати сказать – выпущены они были издательством Парвуса), в которых автору приходится часто рассказывать, как он поступался своими личными взглядами во имя партийных решений, Шейдеман, достаточно близко стоявший к Парвусу, не упомянул даже имени последнего. Ошибочность «мастерского хода» придуманного Парвусом, (ошибочность прежде всего с точки зрения германских интересов) стала ясна впоследствии даже для военных кругов – для того же Людендорфа. Ее осознали раньше других многие из немецких социалистов.

Недаром партийный официоза еще 11 июля 17 года доказывал близорукость точки зрения тех, которые радуются наступлению анархии в России, и полагал, что для дела мира гораздо важнее сильная Россия, искренно стремящаяся к справедливому миру. И позже «Форвертс» выступал против утопий, стремившихся окончить европейскую войну Мировой социальной пертурбацией. Сам Шейдеман, председатель социал-демократической фракции в рейхстаге, был уже решительным противником Брест-Литовского мира, но он остался в меньшинстве. Известно, что фракция воздержалась в ответственный момент от голосования. Так и позднейшее пореволюционное демократическое правительство в Германии не очень стремилось поставить «ребром» вопрос о раскрытии «темной главы» в истории русского большевизма и отношения его к немецким правящим кругам. «Гнусность» этих отношений покрыла бы «позором» имя Ленина, если бы обвинения Бернштейна оказались справедливыми – так думало или по крайней мере официально говорило коммунистическое «Роте Фане». «Позор» Ленина мог бы дискредитировать и некоторые круги немецкой социал-демократии. В сознании немецкой революционной демократии, как и русской, незыблемые законы общественной морали, на которых настаивал Бернштейн, пасовали перед требованиями реальной политики. Это была тактическая ошибка, но именно она не дала возможности внести своевременно с немецкой стороны полную ясность в вопрос о роли иностранного золота в русской революции Мне кажется глубоко был прав тот «видный немецкий военный деятель», который в 1921 году сказал в Берлине представителю Бурцевского «Общего Дела»: «как вы думаете, если бы в статье г. Бурцева «Я обвиняю», где он пользуется мною же сообщенными ему сведениями о 70-ти миллионах, было хоть что-нибудь не соответствующее правде – наше правительство не поторопилось ли бы

опровергнуть все и поднять целый скандал? Уже одним тем, что наше правительство молчит, оно подтверждает все то, что сказал г. Бурцев».

IV. Заключение

Эпопея о немецком золоте, поскольку речь идет о Ленине и революции 17-го года, может считаться законченной. Где же, в конце концов, лежит «золотой немецкий ключ»? В каких тайниках (искать его? Мне кажется, что почти исчерпывающей ответ фактически уже дан. Правильность его до известной степени может подтвердить беглая страничка личных воспоминаний из эпохи того же смутного времени. Как то редакцию «Голоса Минувшего» в Москве посетил вернувшийся из Парижа, уже после июльских дней, сотрудник нашего исторического журнала столь прославившийся впоследствии Покровский. На заседании присутствовало несколько человек редакционного коллектива. Покровский – марксист, издавна принадлежавший к большевистской фракции, не был в рядах наших близких друзей. И почти естественно было, прежде всего задать ему вопрос об его отношении к курсу ленинской политики и о происхождении тех денег, о которых говорила вся страна. Брали ли большевики у немцев деньги для своей работы? И Покровский, не задумываясь и не колеблясь, пояснил, что деньги дали немецкие социал-демократы. Я не только хорошо это помню, но мы тогда же запротоколировали признание видного большевистского деятеля. В Москве в коммунистической академии, куда попала вся моя библиотека и весь мой архив, как личный, так и редакционный, должен был сохраниться этот протокол. Не могу сказать, что признание Покровского нас удовлетворило, ибо нам чужда была такая широкая интернациональная терпимость в бурную эпоху войны. Но все-таки ошибочная тактика не могла быть морально унижительным деянием. Подобное признание уничтожало то позорное, что было в установлении факта содружества интернационалистов с генеральным штабом одной из воюющих держав. Покровский осуждал всю ленинскую тактику и говорил, что не выходит из партии только потому, что намерен бороться внутри ее с опасным направлением. Вскоре мы увидели на практике всю искренность признаний недостаточно еще ориентировавшегося в момент посещения нашей редакции историка-марксиста. В то время мы сами мало были осведомлены. С очевидностью можно сказать теперь, что деньги дала отнюдь не немецкая социал-демократия из побуждений своего интернационалистического сознания. «Невероятная сумма», полученная Лениным и его товарищами – писал Бернштейн – не могла оставить места для сомнений, откуда притекали эти деньги. И все же некоторая фикция

была соблюдена – в кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с министерством иностранных дел и с представителями генерального штаба надо искать тот «золотой немецкий ключ» которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды. Никогда, очевидно, не было момента, чтобы Ленину хотя бы в символическом виде в какой то кованой шкатулке передали 50 миллионов немецких золотых марок. Возможно, что и самая сумма, названная Бернштейну, преувеличена, поскольку речь идет о деньгах, переданных непосредственно в распоряжение ленинцев. В итог могли быть зачислены и другие действия той «внутренней акции» по разложению России которую вел немецкий генеральный штаб согласно плану, установленному еще до войны.

Содержание

Золотой немецкий ключ большевиков Сергей Петрович Мельгунов	1
От автора	3
I. «Легенда» о немецком золоте	4
Введение	5
II. Прелюдия.(1915–16 гг.)	10
1. Австро-украинская авантюра	11
2. Злой гений-Парвус	15
3. «Чудовищно-неправдоподобное»	31
III. Золотой ключ (1917 г.)	41
1. Пломбированный вагон	42
2. Прапорщик Ермоленко	62
3. «Русская Дрейфусиада»	69
4. Американская сенсация	92
5. 50 миллионов марок	105
IV. Заключение	109